

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Philosophical Society of Uzbekistan
Faculty of Business Administration, University
of Economics in Prague
Urgench State University named after al-Khorezmi
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political
and Social Sciences

**MODERN PHILOSOPHIC PARADIGMS:
INTERRELATION OF TRADITIONS
AND INNOVATIVE APPROACHES**

Materials of the V international scientific conference
on March 3–4, 2018

Prague
2018

Modern philosophic paradigms: interrelation of traditions and innovative approaches: materials of the V international scientific conference on March 3–4, 2018– Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2018. – 75 p. – ISBN 978-80-7526-278-3

ORGANISING COMMITTEE:

Iona G. Doroshina, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor, the chief manager of the Science Publishing Center «Sociosphere-CZ» (Prague, Czech Republic).

Eva Kashparova, Ph.D., research associate at University of Economics in Prague (Prague, Czech Republic).

Umidjon R. Kushaev, Ph.D., senior researcher applicant of Tashkent Islamic University (Tashkent, Uzbekistan).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Vadim N. Goncharov, Doctor of Philosophical Sciences, professor of philosophy chair at Humanities Institute of the North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia).

Anwar K. Kadyrov, Doctor of Philosophical Sciences, professor of Tashkent Institute of Chemical Technology (Tashkent, Uzbekistan).

Larisa D. Kozyreva, Doctor of Philosophical Sciences, professor of Northwestern's Institute for Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Shakhnoza O. Madaeva, Doctor of Philosophical Sciences, assistant professor, head of the chair of the history of philosophy and logic at National University of Uzbekistan.

Miroslav Sapik, Ph.D., assistant professor, prorector of Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences (Kolin, Czech Republic).

Tomas Sigmund, Ph.D., academic staff of University of Economics in Prague (Prague, Czech Republic).

Maksuda S. Hajieva, Doctor of Philosophical Sciences, assistant professor, head of the chair «Theory of building a democratic society in Uzbekistan and Philosophy» at Urgench State University named after Al-Khwarizmi (Urgench, Uzbekistan).

Nigina A. Shermuhamedova, Doctor of Philosophical Sciences, professor at the National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek (Tashkent, Uzbekistan).

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines modern philosophic paradigms. Some articles deal with Eastern and Western philosophy. A number of articles are covered epistemological and ontological pluralism. Some articles are devoted to philosophic problems of development of modern spiritual culture. Authors are also interested philosophical issues of political processes.

UDC 1

ISBN 978-80-7526-278-3

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2018.
© Group of authors, 2018.

CONTENTS

I. MODERN VIEW OF CLASSICAL PHILOSOPHY

Витушко М. В.

Другой как проблема онтологической коммуникации:

Э. Левинас vs Ж. Бодрийяр5

Петрин И. С.

К проблеме тематизации идеи Ф. Ницше о «вечном возвращении»

в философии Ж. Делёза.....8

II. TASKS OF GLOBALIZATION: SOCIO-PHILOSOPHIC ANALYSIS

Кукарников Д. Г.

Политическая философия и политическая наука: грани взаимодействия .. 11

III. PHILOSOPHY OF INFORMATION: THEORETICAL APPROACHES, ANALYSIS AND REALITY

Goncharov V. N.

Philosophy of information: essence of information and structure

of its reality 15

IV. TECHNOSPHERE AND NOOSPHERE: INTERRELATION, CONTRADICTIONS AND PROBLEM OF KNOWLEDGE INTEGRATION

Шушаков Е. С.

Связь биогенеза и ноогенеза в концепции Пьера Тейяра де Шардена 19

V. URGENT ISSUES OF LEGAL PHILOSOPHY

Kolosova O. Yu.

Philosophy of law in the context of development of modern society 30

VI. MODERN AESTHETIC CONSCIOUSNESS OF SOCIETY: ARCHETYPIC FUNDAMENTALS AND INNOVATIVE TENDENCIES

Данилова А. В.

Постмодернизм как эстетическая теория второй половины XX века.....34

VII. TOLERANCE AS MORAL IMPERATIVE

Берданова Е. И., Кулиева Т. Д.

Воспоминания о Марко Вовчок – чтоб не прервалась связь времен39

Шипулина Н. Б., Березкин Н. А., Укустова А. А.

Феминизм и его отражение в массовой культуре64

VIII. SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS OF INFORMATION SOCIETY

Sapík M.

Společnost a kultura v podmínkách současného světa.....51

Анищик П. Ф.

Роль культуры милосердия в обществе и методы ее повышения57

Берданова Е. И., Тухужева Ж. З.

Влияние потока виртуального мусора на формирование
и развитие интеллекта подрастающего поколения64

Куликова Е. А.

Проблема морали в постиндустриальном (информационном) обществе:
ее сущность и основные аспекты68

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана,
Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ» 2018 году.....70

Информация о научных журналах 72

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské
centrum «Sociosféra-CZ»..... 73

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 74

I. MODERN VIEW OF CLASSICAL PHILOSOPHY

ДРУГОЙ КАК ПРОБЛЕМА ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: Э. ЛЕВИНАС VS Ж. БОДРИЙЯР

М. В. Витушко

*Студент,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина,
Уральский гуманитарный институт,
г. Екатеринбург, Россия*

Summary. This study presents the Other's problem from the standpoint of existential ontology. It demonstrates the basic criteria for defining the Other within the ethical laws of existence. Communication here refers to revealing the essence of the Other through the subject of interaction. The main scientific problems are the existential metapositions of the Other, discovering a system of mutual agreement among the subjects.

Keywords: Other; ethics; range; communication; subject; existential ontology.

В своей работе «Время и другой» Эммануэль Левинас говорит об онтологическом понимании не только бытия субъекта, но понимания общности в целом. Для него выявление экзистенциальных структур бытия лежит вне антропологического статуса формирования субъектов взаимодействия. Антропологизм, по его убеждению, приводит к тому, что в рамках взаимодействия нет никакого усвоения субъекта субъектом, которое в свою очередь приводит к тому, что «другое исчезает» [2, с. 25]. Но что остаётся? В трактовке Левинаса выступает ещё и Событие. Оно необходимо просто потому, что в нём становится возможным гипостазис: онтологическая структура, в которой «...существующий сочетается со своим актом-существования» [2, с. 29]. Через Событие Левинас пытается осмыслить экзистенциалы человеческого бытия: для него принципиально важно то, каким образом одиночество, заброшенность и оставленность образуют поле существования. Это во многом и есть характеристика гипостазиса, так как именно в нём есть отсылка к полаганию связи со своим актом-существования. Гипостазис вбирает в себя все элементы экзистенциального порядка, которые способны так или иначе прояснить позицию наличия Другого; обосновать концепт его левинасовского «имеется» [2, с. 32]. Он пытается обозначить и начертить это поле возможности существования Другого через появление «существующего» поскольку само такое появление «...есть конституирование в акте существования» [2, с. 37–38]. Для Левинаса принципиальным является феномен «Я» в этом конституирова-

нии, так как благодаря ему становится возможным способ существования Другого; это есть схваченность акта-существования. Таким образом обнаруживается эффект оборачивания акта-существования посредством существующего. В данном случае Левинас концептуализирует связь настоящего с конституированием самого бытия, где Другой вклинивается в пространство гипостазиса, в котором обнаруживается необходимый сегмент конструирования коммуникации – «свобода как начало» [2, с. 40]. Автору важно подчеркнуть, что это и есть некое исхождение; такая точка, благодаря которой существование приобретает статус «*нечто*» и «*чего-то*» (курсив мой – М. В.). При этом стоит заметить, что конечным определением формы актуализации исхождения служит по Левинасу субъект. Время как настоящее «теперь» даёт субъекту связь, при помощи которой происходит онтологическое завязывание самого субъекта с Другим. Опираясь на опыт Бланшо, Левинас заявляет, что «...это связь с прикованным к тебе двойником» [2, с. 44]. В этом заключается материальная занятость собой, потому что существует конструкция онто-порядка «*быть вместе*» [2, с. 44].

Отчасти такое представление разрушается постмодернистскими нападками Бодрийяра, утверждающего следующее: «Секрет Другого состоит в том, что мне не предоставляется возможность быть самим собой, и я существую лишь благодаря фатальному отклонению того, что приходит извне» [1, с. 242]. Бодрийяр настаивает на том, что субъект, взаимодействующий с Другим по определению находится в подавленности; он полагает, что «...Другой не есть то, с чем мы сталкиваемся по собственной воле» [1, с. 242]. Все усилия должны быть направлены на поиски пути Другого, что полностью отстраняет субъекта от осознания собственного пути, от размышлений о самом себе и веры в себя. Философ даёт понять, что жизнь, таким образом «...являет игру Другого, становится непостижимой для самой себя» [1, с. 244]. Он утверждает, что в этом кроется проблема воли: она становится для самой себя тайной. Коммуникация здесь имеет понятие отдаленности: Другой понимается как отсутствие сближения с одновременным перенятием его судьбы. Такая отдаленность позволяет окружить субъекту Другого, примкнуть к нему для стирания его следов и собственной тени. Однако Бодрийяр в выстроенной им симулятивной коммуникации отрицает наличие общения вообще, когда у Левинаса в гипостазисе событие конструируется при тотальном сближении субъекта и Другого. По Бодрийяру Другой есть именно такой модус существования, каким делает его субъект; это и показывает ситуацию необходимой отдаленности, которая проясняет то, что Другой «...это тот, за кем вы идете, и тот, кто идет за вами» [1, с. 236]. Автор указывает на то, что следование субъекта за Другим и наоборот априори означает, что тот, кто Другого сопровождает, является носителем его судьбы. Здесь вообще разрушается всякая этика, так как по бодрийяровскому убеждению предназначением каждого является уничтожение Другого. Само разрушение обусловлено отличием и чужеродно-

стью Другого, невозможностью его дешифровать, неспособностью раскрыть все его секреты форм и своеобразия существования.

Бодрийяр, рассуждая о возможности существования Другого, озадачен разрешением вопроса его доказательства. Он приходит к тому, что этим доказательством может являться встреча. Но полем такого существования будет являться отрицание вообще какой-либо встречи, потому что существование Другого возможно толь из-за того, что субъект тайно за ним следует; в этом наблюдается этическая взаимность нежелания знать друг друга. Следование, таким образом, единственный способ не встретиться с Другим. С другой стороны мыслитель не может избавиться от того, что проблема Другого – это проблема гостеприимства в фатальном пространстве коммуникации. «Другой – это гость» [1, с. 209], который несет в себе различия и чуждые извне элементы. Таков мир предопределенности Другого, где все идет извне. Поэтому «...быть самим собой лишено всякого смысла, ибо все исходит от Другого» [1, с. 210]. Сам Бодрийяр встал перед тотальной неразрешимостью: полагая, что уничтожение Другого является необходимым следствием утверждения субъекта, он обнаруживает в то же самое время, что само это уничтожение невозможно из-за того, что оно влечет за собой разрушение метафоры Другого и Другого как метафоры. В этом заключается высшая форма насилия которая радикализирует экзистенциальный дискурс. Бодрийяр в своем критицизме в отношении правомерности существования этической платформы взаимодействия пришел к безвыходности слияния субъекта и Другого: для него истинное знание заключается в том, что «...это знание того, что мы никогда не поймем в Другом того, что, существуя в этом Другом вынуждает его перестать быть самим собой» [1, с. 218]. Другой уже неотделим от субъекта, его невозможно отстранить, утвердить в его идентичности и различии. Автор понимает, что перед нами стоит необходимость признания могущества Другого – *могущества антипода* (курсив мой – М. В.). Поэтому понятие гостеприимства как некоего экзистенциально-этического отдаления оборачивается коммуникативным и дискурсивным вирусом: такое положение вещей возможно просто потому что Другой, как полагает французский мыслитель «...это микроб в своей радикальной нечеловечности, тот, о котором мы не знаем ничего и который не имеет с нами даже никаких различий» [1, с. 240]. Нужно усомниться радикально в отношении своих желаний для того, чтобы гипотеза существования Другого стала возможной. Другой в этом случае не иллюзия, а тайна, которая детерминирует жизнь субъекта таким образом, что она принимает явные бытийные срезы экзистентного проявления. Тайна в таком случае закономерно может быть приравнена символической смерти, носителем которой по праву является Другой, потому что мертвенность имеет здесь свойство ограниченности субъекта. Самим автором точно на этот счет подмечено следующим образом: «Другой – это то, что позволяет мне не повторяться до бесконечности» [1,

с. 257]. Бодрийяр провозглашает невольно идею лишенности спасения и пребывания человека в структуре формирования друговости, восходящей к принципу этического признания сообщаемости «Субъект-Другой» (курсив мой – М. В.).

Библиографический список

1. Жан Бодрийяр. Прозрачность зла – 5-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство „КДУ“ », 2014. – 260 с.
2. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / Эммануэль Левинас; пер. с фр. А.В. Париб-ка. - СПб.: ВРФШ, 1998. – 265 с.

К ПРОБЛЕМЕ ТЕМАТИЗАЦИИ ИДЕИ Ф. НИЦШЕ О «ВЕЧНОМ ВОЗВРАЩЕНИИ» В ФИЛОСОФИИ Ж. ДЕЛЁЗА

И. С. Петрин

*Студент,
Уральский федеральный университет
им. Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия*

Summary. This article describes a Deleuze's strategy for interpreting idea of «eternal recurrence». In Deleuze's philosophical works are emphasized some topics of «recurrence»: ontology, epistemology and problem of interpretation. In conclusion is affirms a theoretical value of «recurrence» for contemporary philosophical discourse.

Keywords: «eternal recurrence»; ontology; difference; repetition; obliviousness.

Идея о «вечном возвращении» Ф. Ницше становится актуальной в тот момент, когда ее содержание эксплицируется в терминах современной континентальной философии: делезианское прочтение Ницше находит системный язык для данной мысли, реализации интеллектуального потенциала которой долгое время противостояла экзистенциальная тенденция интерпретации ницшеанских концептов [4; 5]. Философия Делёза позволяет найти значительный ресурс для тематизации «вечного возвращения» и выявления имманентных «возвращению» элементов, которые в процессе философской работы конвертируются в (сложно)организованные терминологические пучки-множества.

Отметим формальные признаки ницшевского концепта, определяющие его специфический статус: во-первых, «вечное возвращение» суть одновременно и объект интерпретации, и интерпретирующая сила; во-вторых, такой концепт представляет собой не закон производства интеллектуального продукта, но иницирующий всякое единичное отношение к миру динамичный конструкт; в-третьих, «вечное возвращение» не моральная доктрина, но альтернативный образ мышления. Отсюда задачей настоящей работы будет являться понятийная разработка тех концептуальных

новообразований идеи «возвращения», играющих важную роль в проекте Делёза. Можно выделить несколько тематических блоков, структурирующих его интерпретацию: *онтология, гносеология, проблемы темпоральности, статуса субъекта и сущности интерпретации*.

1. Тематизация онтологического в идее «вечного возвращения» осуществляется через работу концептов «различие и повторение»: «возвращение» определяется как «бытие становящегося» [1, с. 76], истина множественного становится единственной истиной в пространстве плюралистической мысли; «круг вечного возвращения, различия и повторения (разрушающий круг тождественного и противоречивого) – неровный круг, называемый Одинаковым лишь то, что отличается». [2, с. 80]. Иначе: тождественное оказывается вторичным по отношению к различному: «Вечное возвращение не может означать возврата Тождественного ... оно, напротив, предполагает мир (мир воли к власти), где все предшествующие тождества отменены и разрушены» [2, с. 60].

2. «Различие» и «повторение» как смыслообразующие элементы возвращения оформляют гносеологическую находку Делёза – *проект «трансцендентального эмпиризма»* [2]. Делёз пишет, что «повторение выступает как логос единичного, особенного, как логос "частного мыслителя"» [2, с. 19], что, в свою очередь, ориентирует познание на область встречи с уникальным [2] в поле различий, эпистемологические координаты которого определяются пространством «реального опыта» [2, с. 93]. Можно сказать, что «новый образ чувственности», разработанный Ницше, суть следствие онтологии «возвращения».

3. Темпоральный фон «идеи возвращения» выражается в следующих тезисах: истина обретает конкретный *временной горизонт*: «Всякая истина есть истина стихии, времени и места...» [1, с. 227]; случай и мгновение вводятся в список позитивных для формирования мысли терминов; генеративным статусом и творческой силой наделяется момент *забвения*: «Гений вечного возвращения не в памяти, а в расточительности, в забвении, ставшем активным» [2, с. 77]; намечается теоретическое родство содержания идеи возвращения и таких психоаналитических терминов, как «бессознательное», «повторение» и «забвение» [См.: 3, с. 73, 124].

4. «Возвращение» лишает всякого статичного основания субъекта, того, кто различает: «В вечном возвращении хаос-блуждание противопоставлен связности представления, исключает связность в субъекте...» [2, с. 80]. Субъект понимается как субъект встречи, «производное» от деятельности мгновения возвращения.

5. «Возвращение» суть источник интерпретирующих и творческих сил, «машина для игры со звездами» [1, с. 88], машина интерпретации *par excellence*, позволяющая преобразовать объем дискурсивно пустых/избыточных «дионисийских» терминов (игра, безумие, случайность) в систему, отражающую особый способ мышления.

Таким образом, тематизация идеи «вечного возвращения» раскрывает теоретический потенциал данной идеи и позволяет сформировать интерпретационные модели и режимы чтения, позволяющие ввести в пространство философского дискурса непроработанные, но потенциально глубокие концепты.

Библиографический список

1. Делёз Ж. Ницше и философия. – М.: «Ad Marginem», 2003. – 392 с.
2. Делёз Ж. Различие и повторение. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.
3. Дьяков А. В. Жиль Делёз/ Философия различия. - СПб.: Алетейя, 2012. – 504 с.
4. Лёвит К. Ницшевская философия вечного возвращения того же. – М.: Культурная революция, 2016. – 336 с.
5. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. – СПб.: «Владимир Даль», 2003. – 629 с.

II. TASKS OF GLOBALIZATION: SOCIO-PHILOSOPHIC ANALYSIS

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Д. Г. Кукарников

*Кандидат философских наук, доцент,
Воронежский государственный
университет,
г. Воронеж, Россия*

Summary. The article is devoted to the study of the interrelation between political philosophy and political science. The author reveals the specifics of the research in these areas, focusing peculiarities of their goals and methods.

Keywords: political philosophy; empirical political science; methodology; the semantics of political speech; the rationalization of power; institutional politics; political space and time; the laws of the political process; political mythology and utopia; political participation; subjects and objects of politics; political culture.

Одна из важных и всегда актуальных задач политической философии – взаимодействие её с политической наукой и одновременно умение разграничивать сферы их исследований, методы и цели. Политическая философия, как и наука о политике, всегда органично связана с эмпирическим опытом, из него она исходит и к нему возвращается, в выводах, которые использует политическое знание иных уровней. В самой политической философии можно выделить собственно философскую проблематику (методологическую, анализ непосредственно не наблюдаемых явлений, превращенных форм и т. д.), политико-теоретический анализ (обобщенный до познания универсальных принципов политической жизни общества) и исследование конкретных событий и фактов политики на уровне их философского осмысления. Решающим критерием, позволяющим различать эти уровни, а также политическую философию от политической науки и эмпирической политологии, будет применённое в исследовании философское знание, его глубина и умение оперировать специфическими методологическими приёмами философского анализа.

В этой методологии совершенно непродуктивны попытки построить политико-философское знание простым приложением к анализу привычных категориальных формул (единичное и всеобщее, абстрактное и конкретное, субъективное и объективное и т. п.). Методология политической философии определяется совокупностью специфических исследовательских принципов, в которую входят: 1) движение от непосредственно дан-

ного, эмпирического к абстрактнообщему, универсальному, историческому и логическому (путь, названный современными политическими философами, следовавшими Канту, – Л. Страуссом и Э. Фегелином – «трансценденцией», выходом за пределы, восхождением на принципиально иной, высший уровень [2, с. 122]); 2) восхождение теории конкретного опыта к теоретическому опыту предшественников и мировому философскому опыту; 3) исследование непосредственно не наблюдаемых, скрытых явлений посредством анализа их превращённых форм и косвенных проявлений (например, постижение отношений власти, исходя из анализа её языка, семантики и синтаксиса политической речи, языковых структур, метафор, символических форм и т. п.).

Философский анализ состоит прежде всего в умении увидеть проблемность политических явлений и связи, которые их опосредуют, и построить их философскую теорию, обобщённую до опыта эпохи или универсального опыта истории, в отличие от научной теории, для которой важно установить связи между политическими явлениями политики конкретного времени, объяснить их как реальный факт, определить его причины и вероятные следствия [подр. см.: 6].

Так, научное исследование демократического процесса включает анализ демократизации и рационализации власти, реорганизации её структур, что, в свою очередь, означает изучение процесса разделения властей, их взаимного согласования и контроля, а также делегирование власти членами общества их представителям в избираемых органах демократического правлений и т. д. Для политической философии весь этот процесс, помимо исследования проблем политических режимов вообще и демократического в особенности, означает анализ передачи власти от одного её субъекта другому и её разделения между различными субъектами как универсального принципа её функционирования в обществе [5, с. 39], трактовки власти как отношения, представляющего собой для политико-философского исследования всеобщую форму существования власти, её дифференциацию на различные уровни и материализованные институциональные и неинституциональные формы, а также процесс её объективирования в нематериальных формах (концепциях, идеях, теориях, эмоциональных состояниях, волевых импульсах и т. д.) и ряд других проблем.

Иначе говоря, там, где наука накапливает и систематизирует факты в рамках относительно ограниченной темы (теория демократической власти, например), политическая философия может беспредельно аккумулировать знание, расширяя предметную область исследования в рамках той же темы или за её пределами. Логически возникающая в концепции демократии идея правового государства, т. е. суверенной власти закона, окажется неплодотворной, если она рассматривается как проблема создания безупречной правовой системы и не будет осознана в соответствии с общей концепцией власти как системы политических отношений, в которой есть ме-

сто и для суверенного государства, и власти закона, прав и свобод, и власти гражданского общества, вне которого не может быть и демократического правового государства.

В той же сфере конкретной институциональной политики политология, исследуя, например, деятельность участников политического процесса (в чём и состоит специфическая функция этой дисциплины), может исследовать различные условия её эффективности: логику поведения, использование социальных, духовных, материальных ресурсов и др. Политическая философия, рассматривая те же проблемы, раскрывает общие принципы оправдания и объяснения, легитимации политики, веры и доверия к ней, отношения средств и целей, природу целей и принципы целеполагания и др. Для неё это – проблемы сознания (мифы, иллюзии, культура и т. д.).

Концептуальная структура политической философии складывается из ряда принципиальных и вечных общеисторических оснований (начал) политики, которые политическая философия исследует в первую очередь. Это прежде всего социальный смысл и функции политики и власти, их принципиальных основ, универсальных свойств, принципиальных начал, механизмов, процедур, без которых невозможны ни власть, ни политика, как и политическая жизнь любого общества, – их легитимация, их функционирование в форме политического процесса, в политическом пространстве и времени, их всеобщности и проникающей способности, проблем рациональности, разума, истины, права в политике и т. д. и совокупности проблем различной степени общности либо осознанных в различной мере конкретными эпохами и исследователями, например, специалистами в области философии власти, политических ценностей (права, свободы) и т. п.

Центральное место в проблематике политической философии занимают её собственно философские аспекты, исследование политики и власти как основных начал жизни человека и общества и принципов их анализа; общественное бытие политики в его идеальных и материальных формах, способы и формы объективации политики и власти (принципиальная структура политических отношений и отношений власти), переход от непосредственного восприятия политических явлений к их пониманию и истолкованию в качестве философских проблем [подр. см.: 1]. Следующий пласт проблем связан с выявлением закономерностей политического процесса, его пространственных и временных измерений, а также значения превращённых норм политического сознания. И, наконец, нельзя обойти вниманием проблематику политической мифологии и политической утопии, которая активно разрабатывается в современных исследованиях.

Другой круг проблем, приближённых к практике, сближающий политическую философию с политической наукой, которая также ими занимается, включает проблемы государства, политических и гражданских отношений, типологию власти, отношения власти и общества, политической и неполитической власти, её институциональных и неинституциональных

форм, принцип функционирования власти, отношения между её субъектами и объектами и типологию средств и целей политики и власти, функции принуждения, применения силы и насилия, процессы концентрации власти, её разделения, передачи; принципы формирования и исследования политической системы, норм, порядка, закона и т.д. [3, с. 10–11].

Третий уровень знания, сближающий предметные области политической философии и практической политологии, охватывает проблемы политического участия, т.е. способы включения человека в политику, изучение принципов организации власти, функций и специфики политического языка, политической речи, политических ценностей, политической культуры и другие.

Политико-философское знание обеспечивает формирование политических наук, без взаимодействия которых с политической философией подлинно глубокое политическое исследование невозможно [4, глава 7]. Но у политической философии есть не только научная, но и значительная культурная миссия. Общества с развитой политико-философской традицией имеют больше возможностей формировать политические отношения, организовывать работу власти, воспитывать в человеке гражданские чувства, способность к самопознанию, объективному критическому самоотчёту – таковы общества большей интеллектуальной и политической зрелости. Создать или воссоздать отечественную политическую мысль и воспринять мировой опыт философского осмысления политики – актуальная задача для любого развивающегося общества, если оно не сумело своевременно её осуществить.

Библиографический список

1. Василенко И. А. О возможностях политической герменевтики / И. А. Василенко // Вопросы философии. – 1999. № 6. – С. 3-13.
2. Винокуров Е. Ю. Политическая философия Иммануила Канта в современных философских дискуссиях о мировом политическом устройстве / Е. Ю. Винокуров. – Калининград : Изд-во Калинингр. ун-та, 2002. – 219 с.
3. Галкин А. А. Власть, общество и политический процесс: российская модель / А. А. Галкин. // Полития. – 2009. № 1(52). – С. 5-22.
4. Политическая наука : новые направления / Под ред. Е. Б. Шестопаля. – М. : Вече, 1999. – 815 с.
5. Соловей И. В. Конструирование «политической реальности» в дискурсе политического субъекта / И. В. Соловей // Философские науки. – 2005. № 11. – С. 34-46.
6. Соловей И. В. Философские смыслы поля политики / И. В. Соловей. – Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 248 с.

III. PHILOSOPHY OF INFORMATION: THEORETICAL APPROACHES, ANALYSIS AND REALITY

PHILOSOPHY OF INFORMATION: ESSENCE OF INFORMATION AND STRUCTURE OF ITS REALITY

V. N. Goncharov

*Doctor of Philosophical Sciences,
assistant professor,
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia*

Summary. The article discusses link of information with structure of reality. Two main components of this reality are considered physical (material) and ideal (non-material). Distinctive property of these components is their ability to mutual reflection, as creates a possibility of manifestation of various aspects of a phenomenon of information.

Keywords: information; reality; structure; reflection.

The analysis of philosophical and scientific and methodological problems of development of the modern science shows that one of the current problems is a problem of understanding of nature and entity of a phenomenon of information [4, p. 118–124]. According to many authoritative researchers, information represents one of the most significant and at the same time mysterious phenomena of the world surrounding us. Attempts to understand this phenomenon were made by many scientists [1, p. 95–100]. However the conventional ideas of conceptual nature of information in the scientific environment are not worked out yet. Therefore these attempts continue nowadays.

Formation of information society and increase of global problems of development of civilization which solution requires more complete knowledge of fundamental laws of development of nature, a person and a society stimulate new attempts to comprehend the conceptual nature of information [9, p. 78–82].

In modern scientific literature there are several dozens of content of the term information, however any of them isn't standard. Therefore the scientists conducting the researches in this or that field of science are forced to use special opinion of the concept of information which, from their point of view, are the most adequate for this object domain [10, p. 57–62].

The general definition of the concept of information isn't developed yet because there is no general point of view on its nature. And it occurs when information has become general scientific category for a long time, and its role and importance at the research of the natural phenomena, living organisms and also problems of development of the person and society quickly increase, that is today recognized many researchers [3, p. 80–85].

It is this that does this problem one of the most relevant and strategically important in modern science. Why we know so poorly about information nature, depth philosophical entity of this phenomenon and its fundamental communications with other philosophical categories of science. Many researchers realize that these concepts are concepts of one level of community and they, most likely, determine the most fundamental manifestations of reality of the world surrounding us [2, p. 168–177].

The main reasons are as follows:

1. The phenomenon of information is multidimensional. Therefore it in unusual way proves itself in various conditions of realization of processes of information exchange which are carried out in the different types of the information environment typical of separate structural components of the reality [6, p. 136–143].

2. Information in unusual way proves itself at different stages of realization of processes of information exchange [8, p. 87–93].

3. The polysemy of the term information existing in Russian and lack of more or less coordinated ideas of contents of this term create now additional and very essential difficulties at the discussion of problems of information by representatives of various branches of science [14, p. 10–16].

Speaking about structure of reality of information, it is possible to speak about property of dualism. Arguing in this context it is necessary to define what a concept of reality is. The reality is understood as a set of everything existing.

It is known that the most general concept of philosophy is a concept of existence. Reality is also one of the general concepts of philosophy and in a sense can be considered as one of manifestations of the phenomenon of existence [5, p. 6–9]. The phenomenon of information is very closely connected with structure of reality and has certain specifics of its manifestation in various components of this structure.

Let's consider some of the most widespread points of view on the reality paradigm.

Material and power paradigm of reality. From the supporters of materialism point of view in the real world there is nothing, except for matter and energy. And both of these components are closely interconnected and in the continuous movement. Thus, the material world (physical reality) is the world filled with moving matter and energy, and other world (other reality) doesn't exist.

Such material and power worldview also dominated in science since the time of Descartes and Newton. There is no place for other type of reality - ideal reality though all vital practice convinces us that such reality also exists. All non-material sphere of culture, including science and art, really exists though it is difficult to recognize it as one of forms of motion of matter [13, p. 39–44]. Mathematics, religion and language can be illustrative of it.

The ideal reality exists objectively, irrespective of consciousness of a person [11, p. 282–284]. To understand it let's consider some other points of view on structure of reality.

Material and information paradigm of reality. In the middle of the 19th century, N. Winer claimed that, besides matter and energy, in the world there is something third, and this is information. Practically all, concerning this point of view, is considered that the real world is formed by three fundamental components: matter, energy and information which are self-sufficient and represent different types of manifestation of the objective reality existing irrespective of consciousness or which is a result of consciousness activity, existing both inside and outside of it [12, p. 102–107].

At the same time information was considered by them as general property of matter, its attribute. Therefore this concept has been named as the attributive concept of nature of information.

New ideas of structure of reality and its main components, assume connection of a phenomenon of information with structure of reality which has property of dualism as at the same time includes two main components - physical (material) and ideal (non-material) reality.

Distinctive property of these components is their ability to mutual reflection that actually creates a possibility of manifestation of various aspects of the phenomenon of information. To consider structure of reality in more general plan. The physical reality includes all material objects existing in the world, both material, and immaterial (electromagnetic, gravitational fields), Ideal reality includes all non-material objects, systems, processes and the phenomena of reality and, in its turn, possesses certain rather complex structure. Therefore, on the first top level of structure of reality we distinguish two main components – physical (material) reality and ideal (non-material) reality.

Let's consider components of the second lower level. In the structure of ideal reality it is essentially important to distinguish the following three components:

First, objective ideal reality of the first kind which is inseparably linked with physical reality and results from interaction of separate components of physical reality and their mutual reflection that, actually, causes existence of all variety of the world surrounding us. It should be noted that this type of ideal reality is called objective because it is directly not connected with activity of consciousness of the person and isn't a product of this activity.

Secondly, subjective ideal reality. It is essentially other type of ideal reality which includes a phenomenon of consciousness of the person and also non-material products of activity of consciousness existing in him.

Thirdly, objective ideal reality of the second kind which includes all set of non-material products of activity of consciousness which are out of it. Here are all non-material sphere of culture, including science, art, religion [7, p. 123–128].

Библиографический список

1. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 3-1. - С. 95-100.
2. Бакланова О. А., Бакланов И. С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма // Вопросы социальной теории. - 2015. - Т. 7. - № 1-2. - С. 168-177.
3. Болховской А. Л., Говердовская Е. В., Ивченко А. В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. - № 5. - С. 80-85.
4. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
5. Daraganova Yu.S. Философия науки // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2011. - № 4. - С. 6-9.
6. Джиева Д.А., Камалова О.Н. Значение сенсорных технологий в жизнедеятельности человека // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2011. - № 1. - С. 136-143.
7. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 2. - С. 123-128.
8. Камалова О.Н., Карпун А.Б. Основные структурные элементы политической власти // Гуманитарные и социальные науки. - 2010. № 1. - С. 87-93.
9. Колосова О. Ю. Социальная информация в системе управления обществом: философский анализ // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2016. - № 1. - С. 78-82.
10. Колосова О. Ю. Теоретико-методологические аспекты экологической безопасности социально-экологических систем в контексте общественного развития // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2014. - № 3. - С. 57-62.
11. Лобейко Ю.А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. - 2014. - № 7-2 (46). - С. 282-284.
12. Лобейко Ю. А. Педагогическая деятельность и педагогическое сознание: социальный аспект // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. - 2014. - № 13. - С. 102-107.
13. Матяш Т.П., Несмеянов Е.Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 3 (82). - С. 39-44.
14. Матяш Т. П., Матяш Д. В., Несмеянов Е. Е. «Науки о природе» и «науки о духе»: судьба старой дилеммы // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 1 (80). - С. 10-16.

IV. TECHNOSPHERE AND NOOSPHERE: INTERRELATION, CONTRADICTIONS AND PROBLEM OF KNOWLEDGE INTEGRATION

СВЯЗЬ БИОГЕНЕЗА И НООГЕНЕЗА В КОНЦЕПЦИИ ПЬЕРА ТЕЙЯРА ДЕ ШАРДЕНА

Е. С. Шушаков

*Аспирант,
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

Summary. This paper is concerned with Pierre Teilhard de Chardin's views on social-historical development of human society. It is purposed to consider a common vector and factors of social development in a broader context of de Chardin's conception of the noosphere. It is become obvious, in the end of the analysis, that from his point of view both biogenesis and noogenesis evolve under the same principles and also have unilateral orientation.

Keywords: Pierre Teilhard de Chardin; Teilhardism; noosphere; evolution; religious anthropology.

Пьер Тейяр де Шарден один из наиболее оригинальных католических богословов ушедшего столетия. Его значение в интеллектуальной жизни 20-ого века далеко не исчерпывается одним влиянием на развитие христианского богословия, хотя оно до сих пор заметно, в том числе в протестантских и ортодоксальной традициях. Влияние, которое Тейяр де Шарден оказал на научные представления, так же достаточно велико, в частности речь идёт о его вкладе в геологию, палеонтологию и в особенности в антропологию. Однако, его нельзя сводить лишь к чисто исследовательской деятельности в данных областях. Созданная им телеологическая концепция о направленном развитии общества, частью которой является представление о ноосфере, давшее толчок многочисленным исследованиям в социологии, биологии, информатике, синергетике и во многих других научных дисциплинах, представляет собой интереснейшее явление в истории развития социальной философии и религиозной антропологии и не теряет актуальности и поныне и поныне.

Для российского академического сообщества работы Тейяра де Шардена представляют так же особый интерес в силу их близости к такому направлению русской философии как русский космизм. Знаменитый советский учёный и философ В. И. Вернадский, признавал, что само понятие "ноосферы" он заимствовал у Ле Рура и Тейяра де Шардена [2, с. 244], хоть и творчески переработал содержание данного понятия исходя из своих фи-

лософских и научных взглядов. На следующее поколение русских космистов так же можно проследить влияние тейярдизма, в частности И. М. Борзенко в своей работе "На пороге великого согласия" постоянно подчёркивает значение идей Тейяра де Шардена, а С. Г. Семёнова посвятила анализу трудов П. Тейяра де Шардена целую книгу "Паломник в будущее Пьер Тейяр де Шарден".

Тем не менее потенциальная важность работ Тейяра де Шардена для развития русского космизма не осознаётся до сих пор в полной мере, в частности речь идёт о его взглядах на развитие человеческого общества. В частности речь идёт о последнем этапе сегрегации в социальном пространстве как конечного результата взаимодействия тангенциальной и радиальной энергий. Но чтобы указать на этот конкретный момент считаю необходимым осветить представления Тейяра де Шардена об историческом развитии социума и его понимании исторического процесса.

Для поставленной задачи считаю необходимым очень кратко осветить основные методологические принципы из которых исходил философ. Но прежде надо сделать замечание касательно его терминологического аппарата. Речь о достаточно вольном и не систематизированном использовании конкретных понятий, в зависимости от контекста или реципиента. В частности Винченцо Д' Ашенци, один из исследователей творчества Тейяра де Шардена, пишет: «...существуют языковая проблема семантики: Тейяр де Шарден произвольно пользуется терминами, которые в средневековой философии имели другое значение. Достаточно упомянуть об истолковании веры у Тейяра де Шардена, рассматриваемой как «пантеистическая» в явном противоречии при прямом сопоставлении с персоналистским видением трансцендентного Бога, какое томистской философии дали» [1, с. 125]. Той же проблеме в своих работах говорит и Анри де Любак [9, р. 58] и Дитрих фон Гильдебранд [3, с. 121]. При анализе это крайне важно читать, чтобы избежать вопросов о том, каким образом у него происходит смешение биологических терминов с терминами из физики, из гуманитарных наук или даже со специфически теологическими понятиями.

Теперь можно перейти к краткому изложению тейяровской методологии. Я попытаюсь, насколько это возможно, придерживаться основной его работы "Феномен человека", но для прояснения определённых нюансов философского наследия автора буду прибегать и к другим его работам. Тейяр де Шарден выделяет два типа энергетического взаимодействия в феноменальной реальности: радиальное и тангенциальное. Соответственно энергии благодаря которым осуществляется это взаимодействие он обозначает как радиальную и тангенциальную энергии. «Тангенциальная энергия (*énergie tangentielle*) – энергия, связывающая данный элемент со всеми остальными элементами того же порядка» [7, с. 51]. Тангенциальная энергия – общая физическая характеристика материальных тел в любой системе их взаимосвязи. Различные виды физической энергии есть не что

иное, как проявление общей тангенциальной энергии. Иное дело радиальная энергия (*énergie radiale*). «Радиальная энергия – энергия влекущая данный элемент в направлении всё более сложного и внутреннего сосредоточения» [7, с. 51]. Иначе говоря, это внутреннее свойство материи ведущее последнюю к усложнению. При этом Тейяр говорит о парадоксальном взаимодействии тангенциальных энергий в сложных структурах. Он отмечает, что чем сложнее структурная организация тела, тем большей напряжённостью должны обладать его отдельные элементы, а отсюда следует, что с возрастанием радиальной энергии возрастает и тангенциальная [7, с. 44]. Проще говоря, более сложные тела автоматически должны увеличивать тангенциальный энергетический баланс для своего существования, иначе он просто будут становиться более хрупкими, но возможность через усложнение контролировать энергетические процессы в принципе наблюдать можно только на самых высших стадиях развития радиальных взаимодействий [7, с. 45]. Понятие о радиальной энергии тесно связано с таким важным онтологическим и гносеологическим фактом, как существование сознания в этом мире. Сознание для Тейяра де Шардена есть феноменальный показатель уровня радиальной энергии любого объекта вселенной, и объективный критерий определения уровня сознания существует – это сложность объекта, наличие в его строении более сложных и дифференцированных связей [7, с. 45], иначе говоря Тейяр де Шарден панпсихист.

Развитие сознательности коррелирует с появлением такого феномена как жизнь. Развитие жизни по Тейяру идёт поступательно и должно привести к сознательным формам жизни, так как радиальная энергия, возрастающая в материи постоянно, ведёт к всё более сложным и структурным организациям, но происходит это неравномерно. То есть, с развитием вселенной развивается и уровень сознательной деятельности в ней, так же увеличивается количественно и качественно интеграционные процессы [7, с. 44]. Оживляя всю природу, он применяет к описанию природных и явлений биологическую терминологию. Два основных понятия тейярдизма: сегрегация (*ségrégation*) и фила (*phylum*). Так как первый термин относительно редко встречается в «Феномене человека», но появляется в других различных работах Тейяра де Шардена, я, чтобы его охарактеризовать, обращусь к одному из биографов Тейяра де Шардена и сторонников тейярдизма, Анри де Любаку. Он, говоря об теодицеи в рамках тейярдизма, характеризует термин так: «Для тейярдистского языка, это ключевое слово, обозначающее аналогичную иерархичность, которое должно согласовать непорочность творения Божьего с тем, что является реальной альтернативой, то есть с риском испорченности. Это, то, что является коррелятом слова «агрегация», это – сегрегация» [9, с. 103]. Там же Анри де Любак пишет, что Сегрегация происходит практически на всех уровнях бытия, не только на биологическом, но «есть геологическая сегрегация, космическая сегрегация, и духовная сегрегация». С духовной точки зрения в сегрега-

ции можно выделить три аспекта: 1) Изначальное единство Всего (и поэтому сосуществование, как минимум радикальное, с ним навсегда) 2) Тенденция к последующему разделению, к обособлению, к принесению в жертву многих вещей ради установления Всего, к реализации прогресса в деле обособления 3) Наконец, движение, не к точке индивидуального растворения, но к общине более строгой, со всем обновлённым, к более малой, но к более очерченной, более гомогенной, более организованной. И эти различные составные части, в процессе фундаментальной сегрегации, где Жизнь выделяется во вне Космосом (подобно тому, как удачно древо из зерна) называются соответственно: любовь к миру, жертва, формирование Тела Христова» [9, с. 106]. Несмотря на определённую поэтичность формулировок тут очень чётко и ёмко описано понятие в его онтологическом проявлении. Для Тейяра де Шардена сегрегация представляла собой выделение качественно новых элементов из старого при усложнении материи. В результате сегрегации различные эволюционные направления в развитии, несущие в себе потенции для дальнейшей эволюции превращаются в упорядоченные очерченные линии, филы [7, с. 177]. Филы – это биологические общности, имеющие общее направление в развитии. Филой может быть и вид и род и даже тип. При этом для того чтобы филы отделялись друг от друга, они должны в разные временные промежутки ответвляться одна от другой. Например, была общая фила позвоночных, потом из неё произошли две филы – рептилий и млекопитающих, в млекопитающих, идя по общему вектору развития, снова будут образовываться новые филы и отделяться те, которые идут по другому вектору. Иначе говоря развитие как неорганического так и органического мира можно представить в виде древа с расходящимися от вертикального ствола и растущими в бок ветками. Ветки отходящие от ствола соответствуют отделяющимся от общего эволюционного вектора формам чья тангенциальность (то есть взаимодействие с окружающим миром) дошла до такой степени, что развитие в сторону усложнения становится для этих форм невозможным, только в сторону приспособления к окружающей среде. Само древо, чем больше от него в процессе эволюции отойдёт веток, тем тоньше становится. Однако это упрощённая модель. Тут необходимо помнить, что Тейяр сторонник теории биологических «скачков» [5, с. 237]. Быстрые качественные скачки он сравнивает с кипением воды: в пределах с 0 до 99 вода не кипит, в то время как в состоянии ста градусов вода начинает изменять свою структуру для наблюдателя практически по всем тангенциальным параметрам [7, с. 187]. По тексту «Феномена человека» можно выделить следующие 6 основных скачков: первый этап был самым появлением мира, второй – появлением первых сложных структур, третий – появлением жизни, четвёртый – появление разумного сознания, пятый – полное развитие ноосферы и шестой – вхождение в так называемую точку «Омега» (point «Oméga»).

Появление разумного сознания связывается Тейяром де Шарденом с появлением человека. Пытаясь определить, что такое человек, и когда он появляется, он предлагает отбросить все те признаки, которые помимо человека мы можем наблюдать у любых других объектов феноменального мира. С его точки зрения при таком отсеивании остаётся только один признак – рефлексия [7, с. 182], и к нему-то он и редуцирует человеческое существо, как биологический феномен. Как же он определяет рефлексию? Для Тейяра де Шардена «рефлексия – это приобретённая сознанием способность сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как предметом, обладающим своей специфической устойчивостью и своим специфическим значением, – способность уже не просто познавать, а познавать самого себя; не просто знать, а знать, что знаешь». Иначе говоря, Homo Sapiens Тейяра де Шардена – физиологическое существо способное уже не просто поддерживать в себе уровень нужной тангенциальности, для дальнейшего поступательного развития радиальной энергии, а контролировать и влиять на этот процесс, тем самым снова и снова его воспроизводя. С одной стороны, дифференциация форм и их отбор идут по тому же пути, что и эволюционный путь всех живых организмов до человека, но с другой стороны, ясно видно, что именно *оценка* человека (здесь подразумевается не конкретный индивид, а человеческое сообщество в целом) является главным критерием фильтрации плодов его же радиальной активности. Но сознание даёт не только возможность самоконтроля в сфере усложнения форм. Оно ещё и приводит к тому, что радиальная энергия начинает развиваться сама в себе, влияя на этот мир лишь через её сознательно выражение (выше мы упоминалось, что человек в отличие от животных способен контролировать выражение собственной радиальности во вне): «Рефлектирующее существо в силу самого сосредоточивания на самом себе внезапно становится способным развиваться в новой сфере. В действительности это возникновение нового мира. Абстракция, логика, обдуманый выбор и изобретательность, математика, искусство, рассчитанное восприятие пространства и длительности, тревоги и мечтания любви... Вся эта деятельность внутренней жизни – не что иное, как возбуждение вновь образованного центра, воспламеняющегося в самом себе» [7, с. 182].

В это контексте для Тейяра важен, такой термин как «человеческая энергия» (*énergie humaine*) или, иначе, гоминизирующей энергии (*énergie hominisée*), истолкованию которого он посвятил уже упоминавшуюся выше работу «L'Énergie humaine». Он даёт ей следующую дефиницию: «Под человеческой энергией здесь я имею в виду всегда увеличивающуюся часть космической энергии, на деле подчиняющуюся видимому влиянию центров человеческой активности» [10, с. 145]. Далее он выделяет три типа этой энергии в её простейших проявлениях: «В простейшем состоянии (то есть понимаемом внутри и вокруг взятого в отдельности человека) эта

энергия «гоминизации» предстаёт в трёх формах, которые на первый взгляд различны, что интересно отметить, по крайней мере, для удобства: энергия внутренняя, энергия контролируемая, энергия духовная» [10, с. 145].

Предлагаю рассмотреть три этих вида энергии и проанализировать их: «1) Энергия внутренняя является тем, что медленная биологическая эволюция земли аккумулировала и гармонизовала в нашем организме из плоти и нервов: удивительная «природная машина» человеческого тела. 2) Энергия контролируемая есть та, что берёт своё начало с конечностей. Человек дошёл до власти над окружающим его благодаря психическим способностям, посредством «рукотворных машин». 3) Энергия духовная, наконец, есть та, что локализована в областях имманентных нашей свободной деятельности, формирующая основу наших мыслительных процессов, чувств, желаний: энергия вероятно неуловимая, но, однако, действительно реальная, потому что она производит интеллектуальное и заинтересованное овладение объектами и, их взаимосвязями» [10, с. 146]. По факту тут речь идёт трёх типах радиальной энергии, различающихся своими феноменальным (или тангенциальным) проявлением или его отсутствием (как третий тип). Тейяр не пишет об этом прямо, хотя на той же странице утверждает, что это лишь видимое различие. На то, что первые две энергии фактически есть тангенциальные феномены, он указывает в самом тексте [10, с. 147], о духовной энергии он пишет следующее: «Безусловно, нельзя считать невозможным, что наука достигнет однажды, посредством химических соединений, или посредством обнаружения какого-то жизненного излучения, определения причин, приводящих в действие психические феномены. Но эта мера нервной энергии, предполагаемая как реальная, не выражает никак объёма и богатства мира представлений и эмоций в которых заключается, в конечном счёте энергия человечества» [10, с. 147]. Как мы помним, в «Феномене человека» Тейяр воссоздал определённую коррелирующую модель между радиальной и тангенциальной энергией, что в конечном счёте наталкивает на мысль о возможности человека постигнуть факторы детерминирующую радиальную энергию. Но тем не менее, учитывая, что Тейяр часто менял свои взгляды в течение жизни, и тот факт, что деление энергетического взаимодействия на радиальное и тангенциальное является общей идеей вообще всех его произведений, хоть и выражено оно в ясной терминологической форме лишь в «Феномене человека», я настаиваем на том факте, что «духовная энергия» представляет собой именно первую степень ярко выраженной радиальной энергии.

Вторая фаза «энергии человечества», тотальная, именуется Тейяром «Ноосферой». По тексту «L'Energie humaine» он характеризует «Ноосферу» следующим образом: «Плывя над Биосферой, уровни которой без сомнений постепенно стекаются в нём, мире Мысли, Ноосфера, начинает распространять свечение своей кроны. Ноосфера!» [10, с. 149]. Однако

чётких характеристик Ноосферы у Тейяра практически не найти, в «Феномене человека» Тейяр даёт например такую дефиницию «Ноосферы»: «Вокруг искры первых рефлектирующих созданий стал разгораться огонь. Точка горения расширилась. Огонь распространился всё дальше и дальше. В конечном итоге пламя охватило всю планету. Только одно истолкование, только одно название в силе выразить этот великий феномен – ноосфера. Столь же обширная, но, как увидим, значительно более цельная, чем все предшествующие покровы, она действительно новый покров, «мыслящий пласт», который, зародившись в конце третичного периода, разворачивается с тех пор над миром растений и животных – вне биосферы и над ней» [8, с. 207]. Поэтому считаю нужным обратиться к работе «L'esprit de la Terre», где он вводит понятие «духа земли» (Esprit de la terre), которое на мой взгляд если не идентично тому, что в «L'Energie humaine» и «Феномене человека» понимается как «Ноосфера», то имеет много общего. Характеризует он его так: «Таким образом, на уровне человека (где, можно говорить о Ноосфере), фронт земной жизни не расщепляется. В нём образуются единицы нового типа; но в виде элементов более совершенных, предназначенных для вышестоящей организации. Всеобщая конвергенция, в которой заключается универсальная Эволюция, не заканчивается на Гоминизации. Не только сознаниями земли. Мир идёт дальше: он включает в себя Дух Земли» [10, с. 38]. Я не буду подробно рассматривать характеристики «духа земли», однако остановлюсь на такой важной составляющей, как порожаемое им «чувство земли» (sens d' la Terre). Тейяр определяет его так: «Под «Чувством Земли» тут следует понимать, пламенное чувство всеобщей судьбы, которое увлекает за собой, всегда всё далее, разумную часть Жизни» [10, с. 39]. Действие этого чувства описывается им в трёх категориях: любви, единства, искания [10, с. 39–40]. Рассмотрим их подробнее. Наиболее важным представляется проанализировать то, что понимается Тейяром под «любовью». Любовь трактуется им как определённый вид энергии: «Любовь есть более всеобщая, более великая и более загадочная из энергий космоса. Как следствие столетних попыток, социальные институты локализовали её и направили во вне. Используя эту ситуацию, моралисты искали пути как её регламентировать в своих построениях, впрочем, не выходя дальше уровня простейшего эмпиризма, где сохраняется влияние концепций, базирующихся на Материи, и печать древних табу» [10, с. 40]. По одной этой характеристике становится сразу понятно, что любовь для Тейяра есть лишь один из многих видов феноменально видимых энергетических процессов. Однако, по Тейяру любовь не просто самая сильная энергия космоса, она так же и всеобщая, ведь он утверждает, что существует как энергия связывающая элементы различного порядка и человеческая эмоциональная любовь лишь самая высокая ступень [10, с. 41]. В частности «первообразная плотская любовь», а так же силы действующие на молекулярном уровне сцепляющие (но не сливающие в одно) ве-

щество силы являются этапами развития энергетического действия любви. В каком-то смысле любовь и есть не просто определённый тип баланса тангенциальной и радиальной энергий, но она есть и высшая степень радиальной энергии, на уровне человеческого социума уже почти полностью освободившейся. Если мы вспомним, что у Тейяра Бог есть в своей сущности наибольшее сосредоточение радиальной энергии, то в этом смысле, он так же является и сосредоточением любви, но, стой оговоркой, что любовь тут не есть сверхъестественное душевно-психологическое свойство индивидуума, а есть именно энергетическая сила, движущая космос к усложнению, в том числе и посредством действия ядерных, гравитационных, химических, магнитных взаимодействий и, главное, инстинктивных физиологических желаний и потребностей.

Если принять во внимание тот факт, что две других категории, через которые объясняется «Чувство Земли», выводятся из чувства любви и так же феноменально имеют выражение в виде конкретных эмоциональных аффектов [10, с. 43], то следует отметить такую черту «Ноосферы», как сферы не столько и не только «разума» и разумной деятельности, но и сферы эмоциональных чувств и переживаний. Как же конкретно происходит это развитие «Ноосферы», предстающее перед нами в качестве исторического процесса?

Человеческие общества, позднее ставшие цивилизациями, по Тейяру представляют собой так же филы, внутри филы «человечества» [7, с. 239–240]. Однако, характерной чертой человечества, отличающей его от других видов, Тейяр считает способность к усложняющейся ассимиляции. Он утверждает, что в отличие от царства животных, где преобладает стремление к подавлению одних видов другими, то есть где биологический баланс держится лишь на рычагах подавления одними живыми организмами других, гипотетическая человеческая популяция, даже в случае самых кровопролитных войн с представителями другой человеческой популяции, не будет полностью уничтожать врагов физически, как обычно, с точки зрения Тейяра, это происходит в природе, а создаст социальную дифференциацию путём усложнения социальной структуры, компенсируя неравноценный доступ к ресурсам [7, с. 242]. Таким образом, это создаёт интересную модель развития филы человечества, стремящейся не к полной биологической сегрегации, а лишь частичной, при этом сохраняя интеграционное возрастание единства человеческих социумов. Так проявляется именно второй аспект «духа земли» – общечеловеческое единство. Однако, как мы уже отмечали выше, определение этой тенденции даётся через описание противоположного процесса в человеческих обществах – дифференциации и отталкивания. Чем нечто сложнее – тем легче ему распасться. Поэтому в истории перед окончательным развитием «Ноосферы», вступлением в точку «Омега», будет крайне сильное разделение перед всеобщей интеграцией. Оно будет сильнее, чем любое другое, так как при появлении послед-

ней из фил, и окончательной мировой сегрегации уже при вступлении на «порог истории», так как уровень технического развития достигнет своего апогея. Вот что Тейяр пишет: «В определённый момент будущего, под каким либо влиянием придерживаясь той или иной кривой или обеих одновременно, два ответвления фатально разделяться. Сколь бы она не была конвергентной, эволюция может завершиться на Земле, лишь проходя через точку разъединения» [7, с. 325]. И далее там же: «Так естественно входит и стремится обрести конкретное облик в нашем представлении о будущем фантастическое и неизбежное событие, которое приближается с каждым днём, – конец всякой жизни на нашем земно шаре, смерть планеты – заключительная фаза феномена человека». Последняя сегрегация, завершающая исторический процесс должна произойти через распад всего того, из чего будет итоговое высвобождение радиальной энергии, уже нематериальной природы (чистая духовная энергия).

Единственным сохранившимся сущим в такого рода эсхатологической энтропии должно оставаться то, что подвержено действию высшей радиальной энергии, проще говоря той специфической энергии которую Тейяр решил называть "любовью". Носителем этой энергии в социальном пространстве для Тейяра де Шардена является христианская религия

Тейяр открыто признаёт, что христианская община в истории – это фила [7, с. 372]. И внутри неё так же действуют законы эволюции, высшей филой является католицизм [8, с. 287], интегрирующий в себе все виды христиано-иудейского мировоззрения, которое в свою очередь является синтезированным мировоззрением остального человечества. И как фила, католическая церковь характеризуется им исключительно как явление, рассматриваемое с точки зрения биологии: «Какой бы божественной и бессмертной ни была Церковь, ей не удаётся полностью избежать общей для любых организмов необходимости периодически омолаживаться. Юношеская фаза экспансии завершается ослаблением и прекращением всякого роста. И причину спада, на которую жалуются энциклики, говорящие, как в наше время «охлаждается вера», бессмысленно искать в чём-то другом. Дело в том, что христианство существует уже две тысячи лет, стало быть и для него (как и для любой другой физической реальности) наступил момент обязательного омоложения, путём влияния новых элементов» [8, с. 259–260]. Так же считает и Анри де Любак, говорящий о том, что у Тейяра церковь должна изменяться в процессе «линьки» [9, р. 42]. Но именно христианство во главе с католицизмом должно привести человечество к искуплению и спасению, ибо «только христианство остаётся сегодня стоять на ногах, способное соизмерить себя с Миром интеллектуальным и духовным, рождённым на Западе после Ренессанса».

Так каким же образом произойдёт это искупление?

Тейяр оставаясь на позициях религиозного оптимизма видит будущее как сосредоточие всего лучше, что связанным тем или иным образом с

католической церковью. Его ответ на данный вопрос прост: Бог как продукт чистой радиальной энергии, как воплощение любви, не позволит исчезнуть наиболее развитым душам, приведшим мир к выходу радиальной энергии из материи. А вместе с этими личностями он спасёт и всё что им дорого. Но этой теме посвящены другие отдельные работы, которые нужно рассматривать в отрыве от "Феномена человека".

Было бы интересно поставить вопрос с нерелигиозной точки зрения без предположения о возможности полного высвобождения радиальной энергии из материи. Если предположить, что Тейяр де Шарден был действительно прав и всё существующее имеет тенденцию к усложнению, как некую общую для материи потенцию, то каково должно в будущем стать взаимодействие более сложной материи с менее сложной в постановке проблемы человек-природа или в контексте взаимодействия развитых и не развитых обществ. С тейяровской точки зрения сегрегация неизбежный процесс, затрагивающий в то или иное время всё и разделяющий то что далее будет захвачено этим процессом и то что уже никогда не будет. В перспективе интересен вопрос о том можно ли подвергнуть своего рода "пересегрегации" уже не развивающуюся из-за тангенциального взаимодействия материю или человеческую культуру. В рамках тейяридистской методологии вполне возможны новые способы решения проблемы о развитии национальных культур в рамках глобализирующегося мира или спасении экосистем при резком изменении климата или экологической катастрофе.

Таким образом можно сказать, что общее представление о мире в тейяровской картине мира редуцирует все типы взаимодействия к двум основным векторам, наполненным вполне конкретным понятийным содержанием и объединяющим по сути процессы космогенеза, биогенеза, антропогенеза и ноогенеза в один единый эволюционный процесс.

Библиографический список

1. Ашенци, Винченцо Д'. От запрещенного иезуита к признанному иезуиту // Тейяр де Шарден и Павел Флоренский. Наука и вера в диалоге. Пиза. 10-11 декабря 2004. - СПб: СПбГУ, 2007.
2. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Научная мысль как планетное явление. - Москва: Наука, 1991. - 271 с.
3. Гильдебранд, Дитрих фон. Тейяр де Шарден: на пути к новой религии // Новая Вавилонская Башня: перевод с англ. и нем. А. И. Смирнова. - Санкт-Петербург : Алетейя : Ступени, 1998. – 313 с.
4. Мантовани, Фабио. Пьер Тейяр де Шарден и Павел Флоренский: основания для сопоставления // Тейяр де Шарден и Павел Флоренский. Наука и вера в диалоге. Пиза. 10-11 декабря 2004. - СПб: СПбГУ, 2007.
5. Мень А. В. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни: В семи томах. Т. I. Истоки религии – М.: СП «Слово», 1991. – 287 с.
6. Тейяр де Шарден, П. Введение в христианскую жизнь // Божественная Среда: Сб: пер. с франц. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003.

7. Тейяр де Шарден, П. Феномен Человека: пер. с франц. / Пьер Тейяр дё Шарден – М.: АСТ: Астрель : Полиграфиздат, 2012 – 381 [3]
8. Тейяр де Шарден, П. Христос эволюции или логическое развитие понятия искупления // Божественная Среда: Сб: пер. с франц. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003.
9. Lubac, Henri de. Teilhard missionnaire et apologiste – Toulouse: Editions Prière et Vie, 1966.
10. Teilhard de Chardin, Pierre. L'Energie humaine // L'Energie humaine. - Paris: Edition du Seuil. 1962.

V. URGENT ISSUES OF LEGAL PHILOSOPHY

PHILOSOPHY OF LAW IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

O. Yu. Kolosova

*Doctor of Philosophical Sciences,
associate professor
Stavropol branch of Krasnodar university
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Stavropol, Russia*

Summary. The philosophy and law as forms of public consciousness carry out important, closely interconnected among themselves functions of understanding of social life. Philosophy of law investigates general regularities of functioning of law, taken in their historical and sociocultural development, promotes definition and understanding of sense of law and its fundamental concepts. Diverse spiritual life of society assumes a variety in comprehension of nature of law.

Keywords: society; law; culture; public consciousness; knowledge.

The law is very closely connected to philosophy. Fundamental problems of the law, such as justice and equality, freedom and responsibility, power and will, and many others are at the same time major philosophical problems. And their decision traces the roots back to understanding of an entity of the person and search of the sense of its life which were traditionally researched by philosophy [7, p. 6–9].

From the very beginning of philosophy problems of legal philosophy made its important part. Even from antiquity almost all whom the mankind has remembered as serious thinkers thought on philosophical and legal problems. Confucius and Mo-tzu, Platon and Aristotle, Augustinus Hipponensis and Thomas Aquinas, Thomas Hobbes and John Locke, Kant and Hegel - these and many other outstanding philosophers became classics of legal philosophy, have made a powerful contribution to jurisprudence.

Being culture quintessence philosophy unites by the worldview ideas all forms of human activity, fills with them each sphere of society, whether it is economic, social, political, spiritual or legal [11, p. 282–284]. Philosophical arguments are everywhere where it is necessary to be able to formulate ideals and put forward the purposes, critical to estimate theoretical and practical results of life and activity of people, offer ways of development of society [12, p. 102–107].

Philosophical ideas interact with concrete and scientific knowledge as in each of areas of social being worldview installations and behavior of the person are characterized by essential specifics [3, p. 80–85]. That is why in the system

of all-philosophical knowledge there are such subjects as «Philosophy of Science», «Philosophy of History», «Philosophy of Art», «Philosophy of Policy», «Philosophy of Religion», «Philosophy of Law».

Philosophy drew to ideals forms rational basis of spirituality which are shown in scientific-theoretical unity of public consciousness [9, p. 123–128]. The ideal of right is law, on the one hand, relying on the worldview dominating in the society, and on the other – almost defining forms and limits of behavior of people taking into account state and public interests, their valuable preferences, requirements and opportunities [10, p. 87–93].

Understanding, comprehension and interpretation of deep sources and fundamental concepts of law, its worldview points are main discourse of legal philosophy. Not to assimilate to such comparison a lawyer needs completeness of knowledge of the law phenomenon. On a philosophical basis there is a formation of the personality, beliefs, valuable and moral systems allowing to carry out successfully professional duties [8, p. 136–143]. Philosophy of law has such opportunity.

Law is a set of obligatory rules of conduct (norms) established or authorized by the state. We will allocate some characteristic worldview bases of modern legal reality.

Among other forms of public consciousness law is one of difficult objects of knowledge. The matter is that law is closely connected with such forms of public consciousness as philosophy, morals, religion, policy [13, p. 177–182]. Often it turns out that researchers mix these forms and can't define methodologically correctly in the preferences, confuse concepts. Even public practice itself gives many examples of the fact that one form of public consciousness gets into another and sometimes it is difficult to distinguish, for example, moral and law standards, religion and law [2, p. 168–177]. Philosophy can part these forms of public consciousness and give scientifically verified result on their differentiation and correct understanding [5, p. 21–24].

Philosophy of law performs towards jurisprudence methodological function. Methodology is understood as a system of the methods applied to the research of this or that reality and also philosophical doctrine about these methods [14, p. 10–16]. The method, as we know, is a way of achievement of definite purposes, a way of obtaining new knowledge of reality [6, p. 21–24]. Proceeding from it, it is possible to define that the method of philosophy of law represents a set of the informative means allowing to investigate many-sided legal reality in its connection with other elements of social being and also theoretical analysis of these means. The arsenal of these means is rather wide. As modern law represents extremely branched set of separate branches, each of them in the course of historical development has developed a set of private methods and techniques, methods of action with objects of law.

In any consecutive philosophical and legal theory its subject is methodologically comprehended, and the method is expressed pointedly. For this reason

such theory has methodological value, possesses function of a method of knowledge and carries out this role either directly, or indirectly as the compound moment of the philosophical and legal theory.

Owing to their great informative value and heuristic potential methods of some deep and original philosophical and legal theories get in the subsequent existence, independent of the subject of corresponding theories and methodological value. As similar methods in legal philosophy methods of dialectic, historical, ontological, axiological, phenomenological, existentialist, system, comparative and legal research are used [1, p. 95–100].

Any new philosophical and legal theory can evolve only from previous theories and is in necessary continuity with them. It is shown in use of various methodologically significant means and receptions of research of the certain object, forms of organization and systematization of new philosophical and legal knowledge of the object which have already proved the informative value, principles of interpretation and assessment of former concepts and new theory in the general context of world philosophy of law, way of ratio of philosophical and legal thought and studied objective reality. However it is necessary to consider that corresponding methods of both last and modern philosophical and legal theories, including methods behind which has philosophical and general scientific value, are informatively connected with subjects of theories and out of their informative semantic unity with the subject gain other informative value and other subject expression in other theories. So, different adherents of dialectic method (Heraclites, Hegel, Marx) have absolutely various philosophical and legal doctrines. The same can be told about philosophical and legal concepts of adherents of other all-philosophical and general scientific methods.

New philosophical and legal doctrine in the public system is a new theory with a new subject and a new method therefore in such new informative context of provision of former theories have informative value only as appropriately creatively intelligent, transformed, mastered and subordinated (according to the logic of knowledge progress) moments of provisions of the new theory (its subject and method). Preservation of something informative and valuable from other (last and modern) theories is not its repetition, but its development and updating in the adequate forms of the new informative situation, in the semantic context of field of the new theory [4, p. 118–124].

Bibliography

1. Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкты исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 3-1. - С. 95-100.
2. Бакланова О. А., Бакланов И. С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма // Вопросы социальной теории. - 2015. - Т. 7. - № 1-2. - С. 168-177.

3. Болховской А. Л., Говердовская Е. В., Ивченко А. В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. - № 5. - С. 80-85.
4. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
5. Гончаров В. Н. Информационная потребность в обществе: социокультурный аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - №6. - С. 21-24.
6. Гончаров В. Н. Информатизация образования общества: фундаментальный аспект исследования информатики // Фундаментальные исследования. - 2012. - № 3-1. - С. 21-24.
7. Dağanova Yu.S. Философия науки // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2011. - № 4. - С. 6-9.
8. Джиоева Д. А., Камалова О. Н. Значение сенсорных технологий в жизнедеятельности человека // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2011. - № 1. - С. 136-143.
9. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 2. - С. 123-128.
10. Камалова О.Н., Карпун А.Б. Основные структурные элементы политической власти // Гуманитарные и социальные науки. - 2010. № 1. - С. 87-93.
11. Лобейко Ю.А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. - 2014. - № 7-2 (46). - С. 282-284.
12. Лобейко Ю. А. Педагогическая деятельность и педагогическое сознание: социальный аспект // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. - 2014. - № 13. - С. 102-107.
13. Несмеянов Е. Е. Соотношение религии и науки в гуманитарном знании и современном обществе (по материалам монографии К.В. Воденко и А.А. Мекушкина «Христианство и наука: история и современность» (М., 2014)) // Гуманитарий Юга России. - 2015. - № 1. - С. 177-182.
14. Матяш Т. П., Матяш Д. В., Несмеянов Е. Е. «Науки о природе» и «науки о духе»: судьба старой дилеммы // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 1 (80). - С. 10-16.

VI. MODERN AESTHETIC CONSCIOUSNESS OF SOCIETY: ARCHETYPIC FUNDAMENTALS AND INNOVATIVE TENDENCIES

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

А. В. Данилова

*Кандидат философских наук,
Владимирский государственный
университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых,
Институт искусств и художественного
образования,
г. Владимир, Россия*

Summary. The article is devoted to postmodernism – cultural movement of the late XX century, reflected in science, philosophy and art. The postmodern aesthetic paradigm is connected with the new to mass culture and mass art, to the past, to the artistic tradition, to the correlation of art and reality. The author compares and analyzes various points of view of Russian and foreign scientists on nature, the nature of this phenomenon, its connection with other historical periods and artistic tendencies.

Keywords: postmodernism; modernism; aesthetics; tradition and innovation.

Несмотря на всё увеличивающееся число работ, в научной литературе на сегодняшний момент не существует единого взгляда на постмодернизм. Разногласия касаются вопросов терминологии, хронологии, исторической роли и сущности явления. Настоящая статья посвящена сравнительному анализу различных точек зрения на это явление.

В самом термине «постмодернизм» приставку «пост» можно трактовать и как хронологическое уточнение (следующий за модернизмом), и как отрицание модернизма, противопоставление ему, и как его продолжение. Н. Маньковская предлагает относить понятие постмодерн (postmoderne) – к западной культуре и философии, постмодернизм (postmodernisme) – непосредственно к искусству, постмодерность (postmodernité) – к одному из культурно-цивилизационных этапов истории [7, с. 144].

Спорным вопросом является определение хронологических границ постмодернизма, начало которого относят к 40-м, 50-м, 60-м, 70-м и даже 80-м годам. В этом вопросе существенным оказывается то, какой именно вид искусства берётся за основу. По отношению к какому-либо одному виду искусства нет единства мнений. Признавая всю условность указываемых временных рамок, периодом возникновения и утверждения постмо-

дернизма следует считать три последних десятилетия XX века. В это время постепенно появляются первые публикации на данную тему в философии, филологии, социологии, складывается художественная практика постмодернизма в разных видах искусства, формируется искусствоведческий аппарат осмысления этого явления и специфика зрительского и слушательского восприятия.

Определение исторических границ постмодернизма зависит и от взгляда на его соотношение с модернизмом. Выяснение отношений между этими периодами развития культуры становится одним из принципиальных вопросов философии, культурологии, искусствоведения и литературоведения. Модернизм и постмодернизм трактуются то как явления, принадлежащие к одной стадийной общности, то как принципиально различные, противоположные.

Отказ от иерархии ценностей в пользу их деконструкции, исчезновение веры в прогресс, ирония, как универсальный художественный принцип, являются основанием для интерпретации постмодернизма как «упадка модернизма». Если идеалом модернизма была свобода самовыражения художника, то постмодернизм предпочитает возможность манипулирования чужими художественными кодами. Отсюда и провозглашение «смерти автора» (Р. Барт), создание негативного образа постмодернизма как «эстетики симулякра» (Ж. Бодрийяр). И. Хассан называет постмодернизм крайним проявлением модернизма, полностью порвавшего с традицией и превратившегося в металитературу, а затем и в антилитературу [13, с. 17].

Ряд исследователей трактует постмодернизм как продолжение и модификацию модернизма. Например, с точки зрения А. Якимовича, и модернизм, и постмодернизм принадлежат к одной стадийной общности и выступают наследниками идей эпохи Просвещения [12, с. 245].

Придерживаясь взгляда на постмодернизм как на «модернизм в квадрате», «редактируемый модернизм», Ж.-Ф. Лиотар относит его к одному из циклов модернизма и считает, что после него наступит новый этап. Как пишет автор, «произведение может стать модернистским, только если оно сначала является постмодернистским» [4, с. 45].

И, наконец, постмодернизм понимается как переходный этап, как совокупность альтернативных вариантов развития. По словам Ч. Дженкса, «поставангард верит, что человечество одновременно идет в разных направлениях. Некоторые из них надежнее других, и долг постмодерна – быть гидом и критиком» [2, с. 255]. С этой точки зрения постмодернизм – не преемник и не враг модернизма, но компенсация конца новаторских утопий.

По-видимому, нельзя согласиться ни с тем, что постмодернизм – это всего лишь модификация модернизма, ни с тем, что это принципиально новое направление. Отношения между ближайшими периодами, как пра-

вило, строятся на основе общих принципов наследования, отталкивания и преобразования.

Большинство исследователей считают постмодернизм порождением кризиса культуры и цивилизации именно XX века. Однако эта точка зрения оспаривается положением о том, что любая кризисная эпоха рождает культуру с типологическими параметрами постмодернизма и, следовательно, постмодернизм – явление трансисторическое. Этому мнению придерживается У.Эко, считая, что у любой эпохи есть свой постмодернизм [10, с. 94].

Среди наиболее парадоксальных точек зрения выделяется концепция М. Эпштейна, для которого русский постмодернизм представляется синонимом по сути дела всей русской культуры Нового времени [11, с. 176]. Согласно этой интерпретации в любом произведении (например, в «Евгении Онегине») можно выявить черты постмодернистского проекта. При всей полемичности высказываний, работы Эпштейна внесли существенный вклад в формирование теоретической базы и определение специфики отечественного постмодернизма.

Несомненно, элементы постмодернистской поэтики встречаются в мировой литературе и искусстве разных эпох. Но, несмотря на безусловную авторитетность и значимость приведённых выше суждений, следует признать, что как система, имеющая определенную целостность, постмодернизм сформировался только в современном литературном процессе, захватив затем другие виды искусства. Именно такое представление о постмодернизме закрепилось в традиции отечественного литературоведения, эстетики и философии.

Так, В. В. Бычков, рассматривая модернизм и постмодернизм наряду с предшествующим им авангардом как закономерно сменяющие друг друга хронотипологические стадии развития *пост-культуры* (*авангард, модернизм, постмодернизм*), трактует их основные мировоззренческие, эстетические установки как очень различные [1, с. 293]. При данном варианте трактовки проблемы модернизм и постмодернизм – явления разных идейно-философских и художественно-эстетических принципов, соотносимые во времени, но концептуально далёкие – оказываются включенными в парадигму «модернизм» – «постмодернизм» – «постпостмодернизм» (Н. В. Маньковская).

В трактовке проблем постмодернизма заметен переход от изолированного изучения направления к рассмотрению его в широком контексте культурного процесса европейской цивилизации. Это приводит к сравнению постмодернизма с культурными ситуациями и художественными стилями разных эпох.

Так, по мнению А. Е. Чучина-Русова целый ряд признаков, сближают постмодернизм с модерном рубежа XIX–XX вв. (тяготение к культурному синтезу и конструированию на основе «цитат», стремление к диалогу

как с широкой публикой, так и с просвещённым меньшинством, ирония, гротеск, апокалиптическое мироощущение, скепсис) [9, с. 24]. Н. Маньковская сравнивает постмодернизм не с концом XIX, а с концом XVIII века – послереволюционным временем, когда трагизм и героика остались в прошлом [6, с. 178–179], видя специфику постмодернистской ситуации в том, что культ прошлого не затмевает радости настоящего и надежды на новый культурный взлёт в начале XXI века. У. Эко, трактуя постмодернизм как трансисторическое, циклически повторяющееся явление, наибольшее число параллелей проводит между постмодернизмом и средневековьем: поиски новых горизонтов, разрыв с предшествующей культурой, пристрастие к коллекционированию, описанию, инвентаризации.

Постмодернизм в искусстве часто сопоставляется со стилем барокко (искусственность, отношение к миру как к театру, а к искусству как к игре, лингвистическая изощрённость, интерес к трансцендентному и интертекстуальность). Так, Е. Лианская, рассматривая отечественную музыку последних десятилетий XX века в ракурсе постмодернизма, называет барокко самой близкой ему по эстетике эпохой [3, с. 15]. Многочисленные параллели между современностью и эпохой барокко проводит М. Лобанова, указывая на их переходный характер, диалогизм культур, сложные взаимодействия традиций и новаторства [5, с. 44].

Стремясь уйти от «постмодернистского герметизма», В. Халипов предлагает рассматривать постмодернизм как очередной виток спирали в смене художественных эпох «дионисийской» и «аполлоновской» направленности. «Дионисийский» ряд (барокко, романтизм, модернизм) устремлён в будущее, а «аполлоновский» (классицизм, реализм, постмодернизм) – тяготеет к усвоению и переосмыслению традиционных форм [8, с. 237]. Подтверждая свою мысль, автор указывает на присущие литературному постмодернизму использование наследия предшествующих эпох, переосмысление элементов культуры прошлого, пародирование, иронизирование, приём игры.

Таким образом, разброс мнений по поводу природы постмодернизма отражает многозначность и несомненную эклектичность самого явления. Теоретики постмодернизма с характерным для нашей эпохи глобализмом раздвигают все мыслимые рамки, представляя его как политическую ситуацию, тип мышления, стилевое направление в искусстве. Вместе с тем, все они в той или иной степени признают автономность постмодернистской эстетической системы, связывая это, в частности с новым отношением к массовой культуре и массовому искусству, к прошлому, к художественной традиции, к соотношению искусства и действительности.

Библиографический список

1. Бычков В. В. Эстетика. Краткий курс. – М.: Проект, 2003.

2. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин - М.: Интрада, 1998.
3. Лианская Е. Отечественная музыка в ракурсе постмодернизма: Автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. иск. Москва. 2005.
4. Лиотар Ж.-Ф. Условия постмодерна // Ступени. -1994. - №2.
5. Лобанова М. Музыкальный стиль и жанр. История и современность. – М., Советский композитор, 1990.
6. Маньковская, Н.Б. «Париж со змеями»: (Введение в эстетику постмодернизма). Рос. ак. наук. Ин-т философии. – М., 1995.
7. Маньковская, Н.Б. Эстетика постмодернизма = Esthetique postmoderne. – СПб.: Алетейя, 2000.
8. Халипов, В. Постмодернизм в системе мировой культуры/ В. Халипов// Иностранная литература. – 1994. №1.
9. Чучин-Русов, А.Е. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неоархаика? // Вопросы философии, 1999, №4.
10. Эко, У. Заметки на полях «Имени Розы» // Иностранная литература. 1988. №10.
11. Эпштейн, М. Истоки и смысл русского постмодернизма. Ж.»Звезда», 1996, №8.
12. Якимович, А. О лучах просвещения и других световых явлениях. Культурная парадигма авангарда и постмодерна. / Иностранная литература, 1994, №1.
13. Hassan I. The Postmodern Turn. Essays on Postmodern Theory and Culture. Ohio State Univ. Press, 1987.

VII. TOLERANCE AS MORAL IMPERATIVE

ВОСПОМИНАНИЯ О МАРКО ВОВЧОК – ЧТОБ НЕ ПРЕВАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Е. И. Берданова
Т. Д. Кулиева

*Преподаватель,
учащаяся,
«Эколого-биологический центр»
Минобрнауки КБР, г. Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика,
Россия*

Summary. The role of the historical personality is timeless and has an impact in our days. Life and work Marco Vovchok is a vivid example of tolerance in intercultural and interethnic dialogue. In the research work, the influence of the personality of Marko Vovchok on the cultural life of Kabardino-Balkaria at the present stage has been studied. The influence of the memorial museum in the cultural life of the Kabardino-Balkarian Republic was noted.

Keywords: historical personality; tolerance; memorial museum.

Памяти нужны пристанища, она
не может быть бесприютной...
Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев

Актуальность: Во все времена проблема межнациональных и этнокультурных отношений для жителей Северного Кавказа была актуальной, и особую остроту она приобрела в современном мире. Для нас стало откровением узнать о том, что в начале XX века в нашем родном городе Нальчике проживала знаменитая писательница и поэтесса Марко Вовчок, урожденная Мария Александровна Вилинская. Будучи русской по происхождению, Мария Александровна стала классиком украинской литературы. И так получилось, что знаменитая русско-украинская писательница последний год своей жизни провела на Кавказе. **Целью** работы является исследование влияния жизни и творчества Марко Вовчок на культуру и межэтнические отношения в Кабардино-Балкарии на современном этапе. **Задачи:** изучить «географию биографии» Марко Вовчок и значение ее творчества в литературе; отметить влияние мемориального музея в культурной жизни КБР; изучить период жизни Марко Вовчок в Нальчике и ее отношение к природе и коренным народам Кавказа. **Методы исследования:** анкетирование, работа с литературными и интернет-источниками; интервьюирование. Неоценимую помощь нам оказали сотрудники Республиканской юношеской библиотеки им. Мечиева, мемориального музея Марко Вовчок, Центрального гос. Архива КБР (Евгения Сергеевна Тютюнина). **Результата-**

ты исследования: «География» биографии: Мы предприняли попытку проследить географию творческого пути Марко Вовчок, чтобы понять, как формировались взгляды писательницы, в какой творческой прогрессивной атмосфере существовала эта незаурядная женщина. Известно, что она в свое время исколесила почти всю Европу, была знакома со многими известными личностями, среди которых Тургенев, Герцен, Толстой, Добролюбов, Писарев, Шевченко, Менделеев, Боткин, композитор Бородин, французские писатели Жюль Верн, Густав Флобер, Проспер Мериме, Жюль Верн, Брэм, Дарвин [3, 9, 11]. Это была первая женщина – писатель такого масштаба и гражданской позиции. «Отношение Марко Вовчок к природе и коренным народам Кавказа»: В трех верстах от слободы Нальчик, на хуторе Долинском, поселилась Мария Александровна Вилинская [1,12]. Никто из местных жителей не мог предположить, что она – знаменитая писательница и поэтесса Марко Вовчок. Именно на закате своих дней (всего 1 год и 4 месяца) Мария Александровна обосновалась в наших краях [1, 5], потому что, по ее мнению, здесь был целебный климат, чудесная природа, гостеприимные и трудолюбивых местные жители – кабардинцы и балкарцы. Марко Вовчок, которая неоднократно отдыхала и лечилась в самых лучших лечебницах Европы, писала о Нальчике: *«Это гадательный курорт в будущем...»* [7, 12]. В эти последние дни она работала над повестью «Гайдамаки». Но и о нашем крае остались ее красноречивые заметки – эпистолярный жанр – «роман» в письмах, в которых выражается любовь Марии к природе нашего края: *«Воздух удивительный – ни слякоти, ни ветров. Вот я пишу и вижу в окошко ослепительное голубое небо, лесистые горы начинают зеленеть, вдали сияют снежные, и солнце, солнце, еще не жгучее, но какое животворное. Внизу река Нальчик горная, сродни Тереку, летит в берегах. Купаться в ней можно только сидя – неглубокая, и, сидя, чувствуешь, что вдруг тебя двинет вперед, от камня, где приютился, и оттуда на тебя нападёт волна. Надо хвататься за камень. Чтобы не утянуло дальше... но купанье все-таки, по моему мнению, превосходное. ...Я своими глазами увидела несколько больных, поникших, унылых, которые через месяц уходили бодро и благословляли Нальчик...»* [12]. Горцы тянулись в слободу. Старая барыня принимала их всегда радушно, охотно вступая в неторопливый разговор, знала, что интересуется бедноту, кто бы они ни были – кабардинцы, балкарцы, русские, украинцы, – вникала в их рассказы, помогала лекарствами. В наши дни хутор Долинский стал настоящим курортом Долинском. В 1956 году был открыт мемориальный музей. Усадьба признана архитектурным памятником и входит в Музейный комплекс Кабардино-Балкарской республики. Этот музей – центр культурных межнациональных связей. Художник И. Балицкий написал картину (1956 г.), изобразив Марию Александровну, беседующую во дворе своего дома с местными жителями-балкарцами, с которыми у нее сложились дружеские отношения. В мае 2010 г. была завершена рекон-

струкция дома-музея. ...это «большой праздник дружбы. Дом-музей Марко Вовчок и ее могила находятся на территории Кабардино-Балкарии. Все, кто реставрировал и благоустроивал их, – люди, живущие в Кабардино-Балкарии. Настоящая дружба между народами рождается именно в таких делах» [12]. И сегодня, в 185-летний юбилей Марко Вовчок музей переживает новый этап развития: «Такие дома-музеи живут концертами, творческими встречами, литературными и музыкальными вечерами», - как говорит заведующая домом-музеем Инесса Лажараева. В обновлённом музее планируются творческие вечера для людей разных возрастов, научные конференции и лекции на разные темы». Участниками которых мы уже стали. Кстати, мы повторили уникальный проект межнационального партнерства российского дома-музея в Нальчике с Киевом «**Атмосфера Марко Вовчок**» (2015 г.) [8]. И перевоплотились в «Предприимчивого шмеля», «Злую Колбочку и Добрую Розу». «Атмосфера Марко Вовчок» призвана возродить интерес к творчеству выдающейся писательницы, которая была единственной женщиной в украинской литературе середины XIX столетия.

Выводы: 1) В свое время Марко Вовчок имела признание в европейских странах и России не только как выдающийся писатель, но и как переводчик художественной и научной литературы. В наше время анкетирование, к сожалению, показало, что современные школьники абсолютно не имеют представление о творчестве Марко Вовчок.

2) Русская по происхождению, писавшая на украинском и многих европейских языках, человек Мира, Мария Вилинская отдала предпочтение провести последние годы жизни именно в нашем крае. Писательница была уверена, что биографию человека стоит писать только после его смерти. Она нигде не печатала своего портрета до 1902 года [11]. Сегодня ее мемориал дает второе рождение памяти великой писательницы. 3) В начале XX века благодаря Марии Александровне в этой небольшой местности произошел некоторый переворот в сознании горцев, которые увидели в этой женщине мудрого советчика и защитника [4, 6, 10]. 4) На примере жизни и деятельности этой выдающейся писательницы можно учиться взаимопониманию и терпимости между народами. Накопленный в ходе исследовательской работы опыт представляет огромный потенциал для практического использования его в тренинге «Миротворчество и толерантность». 5) Наш музей, посвященный жизни и творчеству Марко Вовчок, не единственный в своем роде. Музеи писательницы открыты также в Немирове на Украине, в селе Александровском Ставропольского края. В Доме Грановского в Орле и в Киевском историко-литературном музее писательнице Марко Вовчок посвящены большие экспозиции. Мы планируем сотрудничество и проведение совместных тематических мероприятий на базе мемориального музея Марко Вовчок и детско-юношеской библиотекой им. К Мечиева, а также интеграцию с музеем Марко Вовчок в селе Александровском Ставропольского края. Надеемся, что наши усилия отразятся в

результатах анкетирования учащихся после проведения запланированных мероприятий, связанных с жизнью и творчеством Марко Вовчок. «Время раскидывать камни, и время – их собирать».

Библиографический список

1. Бероев Б. М. Очерк природы Летопись покорения Эльбруса Туристские маршруты Москва, "Профиздат", 1984.
2. «Благословенный Нальчик», КБП, 18.10.2014.
3. Брандис Е. «Марко Вовчок» ЖЗЛ, выпуск 19 (460), М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1968.
4. «В музее Марко Вовчок», «Аланы» Карачаево-Балкарский журнал. №1, 2007.
5. Вовчок Марко // Русские писатели Т.1. - М., 1989. - С. 451-454.
6. Громова Н. Ф. «Нальчик и нальчане», И. М. и В. В. Котляровых, Нальчик 2006.
7. Машинский С.. Вступительная статья и примечания. Марко Вовчок «Тюлевая баба», М.: «Художественная литература», 1984.
8. Проект Атмосфера Марко Вовчок <https://tv.ua/news/showbiz>
1. 9.Ткачук Н. П., Сулима Н. М., Смилянская В. Л., Сулима В. И. Украинская литература: Учебник для 9 классов. – Киев: Освіта, 2009. – с.358. ISBN 978-966-04-0726-8
9. «Умение сопереживать – К 180-летию со дня рождения Марко Вовчок», «Горянка» №1 (750) 10.01.2014.
10. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор»: Марко Вовчок//Литературная энциклопедия, Т. 6
11. Чудесно лечиться и жить, 21 июня 2012 г. www.fond-adygi.ru

ФЕМИНИЗМ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Н. Б. Шипулина
Н. А. Березкин
А. А. Укустова

*Кандидат философских наук, доцент,
студенты,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Россия*

Summary. On material of comments on social networks, Internet memes and demotivators the modern ideas and the demonstrated programs of feminism are investigated. In article it is consistently traced as now the ideas and the declared feminism values in mass consciousness of Internet users are perceived. Reactions to feminist community and their distinctions are studied. The personal contribution of authors consists that they have analysed a large number of the situations connected with intolerance to the movements of feminism or their support.

Keywords: the feminism, Internet community, intolerance, sexism discriminating statements, the analysis of reactions of Internet users.

Феминизм – это явление, которое можно рассматривать как минимум с двух сторон. В современном словоупотреблении феминизм понимают как политическое движение, связанное с борьбой женщин за равноправие. Американский историк Карен Оффен предлагает определение феминизма

«как системы идей и общественного движения за социально-политические изменения, основанные на критическом анализе привилегированного положения мужчин и подчиненного положения женщин в данном обществе» [7, с. 46]. Именно этот аспект принято ассоциировать с классическим феминизмом, в частности с движением суфражисток, получившим распространение в Великобритании и США в конце XIX – начале XX веков. Второе понимание феминизма шире и утверждает, что феминизм – это именно интеллектуальное движение, течение в философии, по содержанию и аргументации гораздо более разнообразное, чем классический политический феминизм.

Феминизм – это признание того, что на протяжении истории к людям относились по-разному в зависимости от их биологического пола, а также от преобладающего понимания гендерных норм.

Цель исследования: на примере комментариев в социальных сетях и Интернет-мемов, а также других проявлений культуры (книги, компьютерные игры) проследить, как сегодня в массовом сознании воспринимается феминизм и какое отражение он получил в культурном контексте.

Актуальность исследования продиктована спецификой практического материала; мы рассматриваем феминизм исключительно в настоящем временном срезе так, что комментарии, использованные для анализа, оставлены пользователями не позднее января текущего года.

Говорить о феминизме «в целом» очень сложно, так как существует множество различных подвидов и вариаций феминизма, ориентированного на частные проблемы: либеральный феминизм, марксистский феминизм, радикальный феминизм, киберфеминизм и так далее. Течения постоянно множатся и конкурируют между собой. Деление на волны – одна из метафор, используемых для описания этого многообразного поля, и возможность проследить развитие феминизма как политического и социального движения.

Феминизм «первой волны», ассоциируемый с движением суфражисток – это конец XIX и начало XX века. Значительное влияние на формирование феминистской мысли начала XIX в. оказали философские концепции социалистов-утопистов, прежде всего Ш. Фурье, А. Сен-Симона и Р. Оуэна. Как отмечает С. Айвазова, Ш. Фурье и А. Сен-Симон «вышли за пределы суждения о «природном назначении пола»», дав тем самым возможность говорить о том, что кроме «естественного» права женщины, существует еще и социальное право – право на свободу, образование, труд [2, с. 16–17]. Суфражистки требовали признания одинаковых политических прав и утверждения на государственном уровне доступа женщин к возможности голосовать на избирательных участках. В 1903 году Э. Панкхерст основала Женский социально-политический союз (ЖСППРТ) (англ. Women's Social and Political Union), активистскую организацию, ведущую борьбу за предоставление женщинам избирательных прав, девизом кото-

рой было: «не словом, а делом». В 1918-м году актом парламента было предоставлено право голоса всем женщинам старше 30 лет.

«Вторая волна» феминизма (конец 60-х годов XX века) предлагала новое, расширенное понимание неравенства. Активисты и исследователи (Кэррол Ханиш, Глория Джейн Уоткинс) полагали, что несправедливость коренится в самом общественном устройстве, в том, как мужские и женские опыты организованы социально. Феминистская активистка и публицист Керол Ханиш в 1969 г. выдвинула лозунг «Личное – это политическое» («The Personal is Political»), который стал ассоциироваться со «второй волной» [1]. Задача этого движения – озвучить особую женскую позицию, вскрыть неравенства, вплетенные в нашу повседневную жизнь.

В 1990-е годы зарождается «третья волна» феминизма (Белл Хукс и Одри Лорд, Ребекка Уолкер). Новый виток в понимании гендерного неравенства связан с переосмыслением категории опыта, отказе от восприятия женщин (и мужчин) в качестве некоей однородной группы, разделяющей сходные переживания и сходные интересы [6, с. 36]. Глубинная причина гендерного неравенства кроется в том, что наше мышление подчинено бинарным оппозициям, разделяющим мужское и женское. Феминистки ставят перед собой новые цели: они высмеивают гендерные роли, обязанность быть сексуальной, отстаивают право женщины на естественность. Возникают отдельные течения вроде «бодипозитива», в рамках которого активисты пытаются бороться со стереотипами о красоте женского тела. «Третья волна» феминизма получила развитие с 90-х годов прошлого века до сегодняшнего дня.

На примере комментариев в социальных сетях и интернет-мемов, а также книг и компьютерных игр мы попытаемся рассмотреть, как феминизм воспринимается сегодня и почему феминистка – это «женщина, которая не бреет ноги».

Определенная часть пользователей негативно реагирует на феминистическое содержание постов в сообществах ВКонтакте. Это может заставить отписаться от новостей и уведомлений сообщества. По количеству оценок «мне нравится» под комментарием мы можем наблюдать, что подобную реакцию с пользователем Наиль Абдулин разделяют 18 человек. Цитата: «*Что-то у вас слишком много бодипозитивщиной несет. А также феминизмом. Отписка*» (пользователь Наиль Абдуллин, социальная сеть ВКонтакте).

Явление обобщения в анализе предпосылок к становлению радикальной феминисткой позиции также широко распространено. Пользователь использует «аргумент к личности», стараясь представить активисток радфема как уязвленных и оскорбленных женщин с тяжелым опытом. Мы не можем отрицать наличие подобного опыта у представительниц феминизма, так как каждый случай становления гражданской и правовой активисткой стоит рассматривать индивидуально. Формулировка в коммента-

рии имеет явно уничижительный характер. Цитата: «Никто из них никогда не признает истины, что проявление ярого феминизма, особенно радикального, это проблемы с мужчинами в детстве и подростковом возрасте из-за комплексов, внешности, собственной тупости, отрицательного опыта отношений, вследствие отсутствие нормального секса, детских травм сексуального и иного характера и т.д.» (пользователь chezari-oupo, социальная сеть Youtube).

В сети Интернет мы можем наблюдать примеры неправильной трактовки канонов внешнего вида феминисток (рис. 1). На самом деле пользователь выражает весьма распространенное мнение о том, что активистки данного движения являются «страшными». Феминизм отрицает феномен социального должествования, согласно которому женщина обязана выглядеть привлекательно в глазах мужчины, и поэтому феминистки нередко отказываются от макияжа, удаления волос на теле, а также предпочитают подчеркнута женственной одежде практичную. Цитата: «Не удивительно, что они феминистки: они же страшные» (пользователь Maximillian Linkman, социальная сеть Youtube).

Рис. 1

Ситуация оценки с позиции феминизма поведения публичных лиц получила свое отражение в средствах массовой информации. В фотосессии для модного журнала «Vanity Fair» Эмма Уотсон, причисляющая себя к активистам современной волны феминизма, частично обнажила грудь. Это вызвало волну критики со стороны отдельных представительниц феминизма, так как женщины уличили Уотсон в следовании принципам объективизации женского тела. В интервью Reuters известная актриса заявила: «Люди превратно понимают то, что стоит за понятием «феминизм». На самом деле феминизм дает женщине выбор. Это не палка, которой бьют других женщин. Феминизм – это про свободу и равенство. Я действительно не понимаю, какое отношение моя грудь имеет к этому. Это приводит в замешательство. Я просто пребываю в тихом шоке».

Само явление современного феминизма для многих непонятно. Большинство считает, что все проблемы женской половины населения Земли уже полостью решены. И вот как раз одна из задач феминистического сообщества – это опровергнуть данный миф и привлечь внимание к еще существующим проблемам, которые оскверняют жизнь девочкам, девушкам и женщинам всего мира или отдельной части его населения (в зависимости от того или иного движения). Однако все чаще возникают ситуации, когда участницы феминистического сообщества дискредитируют самих себя, обращаясь к агрессии и замедляя процесс популяризации феминизма. Нередко такое поведение соотносят с участницами радикального феминизма (рис. 2). Некоторые экстремистски настроенные феминистки (к примеру, Л. Иригари [4]) в свое время призывали к отказу от материнства и от каких бы то ни было половых связей с мужчинами («феминизм – это теория, лесбиянство и женский онанизм – это практика» [3, с. 196]. В 70-е годы XX века появились женские кооперативы, коммуны, клиники, клубы, шелтеры (т. е. убежища для подвергающихся насилию женщин), развивались «женские культурные проекты» – феминистская литература, кинематограф, живопись. Однако со временем такой культурный сепаратизм начал оцениваться многими феминистками (в том числе и радикальными) как утопия и политический тупик [5, с. 61–84]. И сейчас мы можем видеть все меньше представительниц радикального феминизма в его первоначальном виде.

Цитата: *«Ты вот может и правильные вещи говоришь, проблемы домашнего насилия, неравенства, рассуждая здраво и рационально можно принять это умом и встать на сторону феминизма, но «кто-то» из сообщества феминисток ведет себя так отвратительно, чьими примерами пестрит весь интернет, что за пол года от полного нейтралитета я начал испытывать полное отвращение к данной тематике. Надоел этот фарс. И сколько таких «неадекватных» людей в феминистском сообществе неизвестно, но усилия именно этой группы серьезно портят репутацию всем, а данному сообществу КРАЙНЕ сложно относиться непредвзято»* (пользователь Грязный Гарри). *«Грязный, согласен, сам имидж движения сильно испорчен радфемками. Я вот феминистом себя не назвал бы, хотя за полное равноправие»* (пользователь Алексей Климовский, социальная сеть ВКонтакте).

Рис. 2

Интересная ситуация сложилась с выходом игры «No Man's Sky», что в контексте означает «Нечеловеческое Небо». В английском языке слово *man* – двузначное со значениями «человек» и «мужчина». Некоторые представительницы феминистического движения возмутились таким названием, спросив разработчиков, почему проект не называется «No Woman's Sky». Но я думаю, возмущений будет намного больше, если вдруг появится игра под названием «Не женское небо».

Народное творчество и творчество массовое сами по себе отражают мнение большинства к той или иной проблеме. Выражать его могут фильмы, мемы, песни, книги и т.д. К примеру, перед нами книга Александра Никонова «Чем женщина отличается от человека». Автор сравнивает женщину со стулом, которому она проигрывает в интеллектуальном аспекте, называет самкой, а на обложку книги помещает лягушку в платье, проводя явную параллель. Сам факт существования такой книги, того, что ее издадут и читают, заставляет задуматься о том, что проблемы женщин в современном обществе действительно существуют и это никак не вымысел.

Нередко возникает ситуация, при которой людьми демонстрируется разное отношение к мальчикам и девочкам, мужчинам и женщинами в равных условиях (рис. 3, рис. 4). Это обусловлено ожиданием определенного поведения от гендерных групп, иначе говоря, мужчины должны вести себя одним образом, женщины – другим, что говорит о наличии у людей поведенческих штампов, под воздействием которых интерпретируются обстоятельства в угоду сложившимся установкам, если встречаются ситуации, не соответствующие привычной картине мира. Например, «девушки не сильны в математике», концепции феминизма придерживаются девушки «тупые» или имеющие «проблемы в личной жизни».

Рис. 3

Рис. 4

Явные затруднения на пути женщин к равноправию представляют сами женщины, но уже «на другой стороне баррикад». Традиционные ценности и сотни лет ущемления прав загнали девушек и женщин в зону комфорта, за которой стоят угнетение и «лишение статуса человека». До сих пор женщине приписывают узкий круг задач и увлечений, где на первое место встают репродуктивная и воспитательная функции. И многие защищают такую позицию, забывая, что у других представительниц женского пола есть амбиции и желания совершенно иного характера. Цитата: «Женское дело – рожать и воспитывать детей, а науку и образование оставьте мужчинам. Нам нужны православные здоровые девушки, а не бледные феминистки-заучки» (Елена Борисовна Мизулина – член Совета Федерации, представитель от исполнительной власти Омской области с 23 сентября 2015 года).

Нами был проведен опрос на тему «Феминизм и его отражение в массовой культуре», в котором приняло участие 675 человек (82,4 % – мужчины, 17,6 % – женщины). Основная аудитория проведенного опроса – это молодые люди в возрасте от 15 и до 20 лет. Респондентам было задано

5 вопросов, касающихся феминизма сегодня и их отношения к данному феномену как к политическому движению за права и свободы женщин. Рассмотрим ответы.

1. Знаете ли Вы, что такое феминизм? – 99,9 % респондентов ответили, что знают об этом движении.

2. Как Вы относитесь к феминизму: положительно, отрицательно или безразлично? – 35,7 % ответили, что относятся положительно, то есть большинство. 33,3 % – безразлично, и только 20,4 % – отрицательно.

3. Существует две точки зрения. Одни говорят, что на сегодняшний день феминизм не актуален и политическое движение, достигшее своего апогея в XX веке, полностью решило основные проблемы женщин. Другие – что сегодня женщины так же угнетаемы мужчинами и патриархальной структурой общества. С какой из двух точек зрения Вы согласны в большей степени? – 66,2 % респондентов ответили, что согласны скорее со второй точкой зрения. Это доказывает, что на сегодняшний день молодые люди не до конца понимают, какие проблемы решает феминизм и что находится на повестке у представителей движения.

4. Кого из известных феминисток Вы знаете? Назовите 3–4 фамилии. Подавляющее большинство респондентов не смогли ответить на этот вопрос (81%). Из тех, кто был назван опрашиваемыми, многие упомянули pixelpixel (это известный youtube-блогер, которая в формате видео делится с подписчиками историями из своей личной жизни и освещает круг вопросов, связанных с феминизмом (бодипозитив, обратный сексизм и т. д.); сама pixelpixel является интерсекциональной феминисткой). Были названы в том числе фамилии такие представительниц феминистического движения, как Клара Цеткин, Роза Люксембург, а также Дженнифер Лоуренс, Эмма Уотсон, Бейонсе и Натали Портман. Мы видим, что идет процесс популяризации движения через участие представителей шоу-бизнеса в обсуждении вопроса о равных правах. Публичные люди, являясь кумирами для молодых людей, привлекают внимание молодежи к проблеме и делают движение более доступным, своим участием они выносят его на повестку дня.

5. Можете ли Вы сказать, что Вам близки идеи феминизма? – наконец на последний вопрос анкеты 34,4 % респондентов ответили, что им близки идеи феминизма, 35,3 % считают движение давно отжившим, и только 4,7 % молодых людей, мужчин и женщин, могли бы сказать, что считают себя феминисткой/про-феминистом.

Таким образом, по результатам анализа современной массовой культуры, как-то: комментарии в сети Интернет, средства массовой информации, книги, компьютерные игры – а также по результатам проведенного социологического опроса можно сделать вывод, что в 2017 году большая проблема для феминизма – это поколение миллениалов, которое верит, что женщины в основном уже достигли равенства. Многие люди не имеют четкого представления о том, какие цели и задачи стоят перед движением

феминизма сегодня, а потому относятся к нему скептически. Как отмечает Г. А. Брандт, «феминизм, по крайней мере, в теоретическом осмыслении, перерос этимологию своего названия. Сегодня он не только про- и за-женщин, он за адекватное понимание жизненной практики человека любого пола» [2, с. 10]. Важно правильно преподносить актуальную феминистическую повестку и использовать при этом доступные людям ресурсы так, как это делают, например, отдельные СМИ и youtube-блогеры.

Библиографический список

1. Echols A. Daring to be bad: radical feminism in America, 1967-1975. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. – 416 p.
2. Брандт Г. Философская антропология феминизма. Природа женщины. – М. СПб.: Алетейя, 2006. – 160 с.
3. Вейнингер О. Пол и характер. – М., 1992. – 132 с. – С. 196.
4. Иригари Л. Пол, который не единичен // [Интернет-ресурс]. Режим доступа: http://www.humanities.edu.ru/db/msg/_ftn1. Дата обращения – 6.10.2017.
5. Кэрролл С. Дж., Зерилли Л. М. Феминистские вызовы политической науке // Гендерная реконструкция политических систем. – М. СПб.: Алетейя, 2004. – С. 61-84.
6. Шипулина Н. Б., Сафонова Е. Ю. История гендерной теории и социальных практик // Current issues of social researches and social work: materials of the III international scientific conference on November 5–6, 2017. – Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. – 68 p. – P. 35-40.
7. Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. – СПб, 2007. – 544 с. – С. 46.

VIII. SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS OF INFORMATION SOCIETY

SPOLEČNOST A KULTURA V PODMÍNKÁCH SOUČASNÉHO SVĚTA

M. Sapík

*Doktor filosofických věd, docent,
Academia Rerum Civilium – Vysoká škola
politických a společenských věd,
Kutná Hora, Česká republika*

Summary. Society and culture are evolving in concrete conditions. The development of the company is influenced by environment, time, economy. Culture is a specific term that does not have the uniform possibility of defining it. A range of social and other disciplines is a cultural issue. We have the results of research on culture and its development through various research in sociology and anthropology. An important factor influencing the culture is the technical maturity of the company.

Keywords: society; human; science; experience; religion.

V každém období je lidská společnost motivována konkrétními událostmi a hlavně novými a doposud neočekávanými problémy. Jisté je jedno, že každý člověk si vybírá ve svém prostředí situace, které ovládá a zná, nerad se pouští do poměrně nových a neznámých situací. Pro každého z nás jsou některé situace více známé, v opačném případě jsou zcela neznámé. Moderní společnost má několik typických rysů. Jedním z nich je fakt, že je bez zábran, nejsou žádná pravidla, která by někteří lidé rádi obcházeli.

Dalším rysem je přetechnizovaná znalost a nevšední zájem o prostředí sociálních sítí, prostřednictvím kterých se lidé dokážou bavit a dokonce i se jedná o dnes již druh komunikace a sdělování zásadních informací. Pro dnešní společnost je zajímavá animozita a nezájem o dobrou věc pro celek. Je to ryze individualistické prostředí, ve kterém se prosadí jen ti nejtvrďší hráči, protože další charakteristikou moderního člověka a společnosti je rivalita, která hraničí s agresivitou a závistí. Nasnadě je i vysvětlení tohoto poněkud zajímavého fenoménu. Dnešní společnost je v zásadě ovlivněna výchovou a úrovní vzdělání. Tato úroveň je v porovnání s předcházejícím obdobím dost průměrná a zaostává za dříve dosaženými standardy školního vzdělávání. Problematikou společnosti a ryze společenských jevů se zabývá a již zabývala celá řada teoretických škol a jejich představitelů. V těchto případech se nejedná jen o nejasnou a pro někoho nezajímavou teorii, ale jde především o ztvárnění i v rovině uměleckého projevu, spisovatelé, básníci, výtvarníci, ti všichni, kteří dokázali zaujmout vlastními projevy a bezprostředními reakcemi na postavení společnosti, pozici člověka ve společenském vývoji apod. Četnými projevy jsou i pokusy o

vyjádření aktuálního stavu společnosti a jejím organickém strukturování. Vždy je nedílnou součástí těchto analýz konstatování, že společnost, člověk, společenství jsou v nezbytném procesu ať už vývoje, či něčeho vyššího. Z těchto podstatných příčin se rozcházejí i jednotlivá a tím i výsledná hodnocení o zkoumání stavu společnosti a jejím budoucím směřování. Mezi oblíbené a zčásti akademické obce uznávané patří i antropologická a kulturní studia s jejich specifikací a rozsáhlými oblastmi bádání a výzkumu. Mezi jinými patří i současný zájem o studium společnosti a společenských struktur z pohledu jiných vědních oborů jako je např. politologie, filosofie, sociologie a etika.

Zásadní význam pro ucelené zkoumání společnosti má rovněž i politická stabilita zkoumaného celku. Proto jsou dnes mnohem častějším jevem výzkumy nejen v oboru sociologie, ale i jiných vědních oborů (např. výzkum se zaměřením na politiku a politickou participaci, volební účast, výsledky a možnost ovlivnění volebního chování, předvolební kampaň, výzkum spojený s filosofickými a etickými aspekty společnosti). Studium moderní společnosti je spojený i s mezioborovými vztahy, které jsou důležité pro překonání tradičních hranic a bariér v prostředí humanitních oborů. Těm se právě nejvíce přisvojuje normativní akcent na stanovení ukazatelů a výsledků společenského vývoje za určité období vývoje. To vše má nezaměnitelné místo v prostředí teoretických postojů, které jsou v mnohých případech překonávány teoriemi novými a jdou znatelně dál i v poznání dílčích výsledků společenského procesu.

Jedním z často uváděných autorů, kteří se zajímají o studium výše uvedené problematiky je i P. Bourdieu. „Bourdieu také spíše testuje platnost svých teoretických koncepcí prostřednictvím empirického výzkumu, než by zůstával pouze u vysokého stupně abstrakce. Kromě toho se hluboce a vytrvale zajímá o to, co je potřeba k radikální sociální změně, a proč je tato změna neustále mařena. Máme-li být konkrétnější, pak příčinou zájmu o Bourdieua ze strany ... studií může být také skutečnost, že Bourdieu již v sedmdesátých letech 20. století jasně rozpoznal, že hospodářství západních společností je ve stále větší závislosti na působení kulturní agendy.“ [1, s. 140–141]. K autorům, kteří vlastní výsledky bádání posuzují ve vztahu k historickým faktům, patřil i A. J. Toynbee s jeho *Studiem dějin* (1934–1961). Autoři tohoto období se v jistém ohledu zaměřili na konfrontaci společenského prostředí a hospodářské stability státu. Důležitým prvkem jejich bádání byla kultura a atributy, které umožňují proměnu a vznik nových stabilních prvků v daném společenství. V prostředí postupného vývoje společnosti dochází k přeměnám, které mají důležitý dopad na budoucí vývoj kulturního vzorce a dědictví.

To, co zaujalo intelektuální prostředí na zcela specifické vědecké práci P. Bourdieua je skutečnost, že uplatňuje metodu abstrakce a tím se dostáváme k jasnému názoru, neboť: „O Bourdieuovi můžeme tvrdit, že ve svém díle teoreticky zkoumá akci velkorysejším způsobem, než je obvyklé, neboť chce ještě lépe pochopit její možnosti a to, jakou stopu zanechává na silách či oblastech nátlaku. Jeho úvahy o akci jsou nesmírně bohaté, protože se dotýkají i

„nevědomé“ akce, mentálních struktur, ritualistických tělesných praktik, jež jsou historicky spjaty s habitem a jež si lidé osvojují ve formě jakéhosi podvědomého „smyslu pro hru“, smyslu, který ovládané vede velmi často a předvídatelně k podřízenosti, k tomu, že si uvědomují, jaké mají v hierarchii místo, a podvolí se společenské autoritě.“ [1, s. 141–142]. Jeho specifikem byl zájem o bezprostřední fenomény tehdejší doby, které můžeme empiricky zkoumat a popisovat ve vztahu s konkrétním prostředím společenského éthosu. Ve svém výzkumu jde proto do velmi zásadních otázek, které se vztahují ke konkrétním způsobům existence společenství. Je pro něj typické i to, že v jistých případech vytváří zcela specifickou terminologii, která může vyzvat do jisté míry nejasnost a nepochopení souvislostí textu. „Bourdieu také nahrazuje pojem „třída“ ... pojmem „sociální prostor“, v němž jsou třídy výsledkem schopnosti různých polí zakládat určité sociální skupiny a třídy. Pojem „pole“ umožňuje Bourdieuovi postulovat, že moc je rozptýlená a autonomně se vyskytuje a funguje v rámci složité struktury institucí a sociálních uskupení moderní společnosti. Pole tak do určité míry nahrazuje kapitalismus v marxistickém pojetí. Změny, kterými se na pracujících třídách podepsala moc reklamy a konzumní společnosti, jsou sice již dobře zdokumentovány, Bourdieu však do této diskuse přináší něco velmi specifického; není to jen obrovské množství podrobných empirických a statistických informací, z kterých vychází v knize *Distinction*, spíše jde o to, že pojímá kulturní rozrůžňování jako mocný prostředek k aktivnímu rozšiřování rozdílů a nerovností skrze různé formy symbolického násilí. Přístup na pole kultury ... představuje moment intenzivních mocenských bojů a procesy s ním spojené hrají ústřední roli v reprodukci strukturních rozdílů.“ [1, s. 142]. Nahrazení pojmu třída pojmem sociální prostor je typický z důvodu sociologického aspektu. Skutečnost, že Bourdieu uznává nutnost existence tříd, které nahrazuje novým pojmenováním sociální prostor, je ve skutečnosti výstižnější. A to hned z několika důvodů. Sociální prostor je specifický ve vztahu k jednotlivým sociálním skupinám, které tento prostor spoluvytvářejí. Společným fenoménem sociálního prostoru je občanská společnost, pro kterou je typická existence moci, společenských institucí a nutnost přemísťování sociálních uskupení v novém prostoru. Bourdieu charakterizuje pomocí nově zavedených pojmů společenský řád – kapitalismus a postupně se dostává do jeho komparování s jinými společenskými řády. V tomto nově navozeném systému má vlastní místo i kultura, kterou svazuje od jejího počátku s mocenskými snahami a nutností vzniku rozdílů ve společnosti.

Moderní společnost vychází a dnes se již neobejde bez poznatků, které jsou nutným důsledkem vědeckého výzkumu. „V druhé polovině 20. století ovšem dochází k různým pokusům o hlubší a odpovědnější uplatnění vědy než ve zmíněném utilitárním smyslu ze dne na den. Pozoruhodné jsou snahy o „mozkové trusty“, o mezinárodní spolupráci vědců, o vytvoření vědeckých center při Organizaci spojených národů, o vědecké plánování ekonomických

procesů atd. Ale srovnáme-li celkové výsledky i ráz těchto pokusů s tím, co by z „planetárních hledisek“ bylo urychleně třeba dělat, optimismus to příliš nepovzbudí. Pierre Theilhard de Chardin – tento patrně poslední velký představitel myslitelského optimismu – viděl základy pozitivního zvratu mj. již v samém prudkém růstu počtu vědeckých pracovníků.“ [2, s. 18]. V tomto ohledu však došlo k poměrně zajímavému posunu. Počáteční snaha o vzájemnou spolupráci, pomoc, výměnu zkušeností výsledků vědeckého bádání byla nahrazena neuvěřitelnou rivalitou, která má až agresivní charakter. Obecně panuje atmosféra zdánlivého klidu a vědecké důvěry. Mnoho autorů se zmiňuje o nutnosti řízeného výzkumu, nutnosti upravit pro jednotlivé obory vědecká kritéria a nutnost objektivní informovanosti. „Většina právě úspěšných specialistů má ke své práci vztah připomínající poměr prostých lidí k jejich zálibám ...: koneckonců jim jde o to, aby si tuto svou zálibu mohli nerušeně pěstovat po celý svůj osobní život. A pokud jim tato záliba je zajištěna finančně nějakým podnikem či politickým systémem, tu – aby měli sami pro ni klid a pokoj – dají také pokoj svému chlebozárci. Ale koneckonců nejde o to, kolik procent vědců je osobně statečných a odpovědných, kolik zbabělých a ustrašených.“ [2, s. 18]. Zůstalo i v současné době několik jedinců, kteří se nesnaží o získání priority a bezmezného uznání z řad jiných badatelů a výzkumníků. Jsou to pouze ti, kteří se nechtějí předvádět, vyvolávat pocit nejasnosti. Mnoho těchto autorů se zároveň snaží o získání snad osobního úspěchu, možná akademického uznání, prostřednictvím úspěchu v některých z vyhlášených grantových soutěží. Nejde jen o úspěch, ale především o získání finanční podpory pro zabezpečení vlastního vědeckého bádání. Otevřeně se však bere, že je dnes a v podmínkách „nezdravé vědy“ téměř nemožné získat tuto podporu za tzv. normálních okolností. Existují však excelentní centra výzkumu, která mají zcela jinou výchozí pozici na rozdíl od všech ostatních institucí. Přitom je nutné rozlišovat mezi různými vědami.

Specifikem je v tomto případě politická věda. „Předmětem politické vědy je lidské jednání. To předem vylučuje matematickou jistotu, neboť nelze formulovat obecná tvrzení o lidském chování, z nichž nebudou žádné výjimky.“ [4, s. 15]. Obecně politika, která je zaměřena na fenomén moci, způsoby jejího udržení, je vždy zasazena do kontextu společnosti a společenského jednání. To, že naše jednání určuje soudržnost a zároveň případy pro odlišení jedinců ve společenském prostoru, má dopady právě na politickou realitu a mocenské síly. Zajímavou je v tomto ohledu i otázka nakolik může lidské jednání ovlivnit náboženské přesvědčení? Pro případ odpovědi na tuto otázku využijme dnes již klasickou formulaci prostřednictvím dánského myslitele S. A. Kierkegaarda.

„Kierkegaardovi nebyla vzdálená myšlenka, již Kant původně prosazoval, že náboženské přesvědčení není otázkou vědění, ale víry; tímto aspektem Kantova přístupu se později zabýval ze svého specifického hlediska a zkoumal jej velmi detailně. Jiný postoj však zaujímal ke Kantovu názoru, že omezení racionality v rovině teoretické nebo kognitivní lze obejít poukazováním

k rozumu v jeho etické funkci. Tvrzení, že víra v Boha a v nesmrtelnost duše jsou ... nutným předpokladem obsaženým v našem morálním vědomí, vlastně znamená, že do centra pozornosti člověka je kladena morálka, nikoli náboženská víra; nevyhnutelným důsledkem takového stanoviska je také bagatelizující pohled na historické momenty křesťanství, který jim připisuje čistě okrajový význam. S těmito kontroverzními závěry se Hegelova filozofie ani v nejmenším nebyla schopna uspokojivě vyrovnat, naopak jejich problematičnost byla ještě umocněna Hegelovou snahou demonstrovat, že náboženství nabízí možnosti výkladu potvrzující koneckonců jeho status jako zdroje objektivní pravdy. Tvrzení, že náboženské ideje by měly být interpretovány jako vyjádření obsahů, (...), jejichž skrytý vnitřní význam je možné postihnout teprve v rámci komplexního metafyzického systému, by zřejmě mnozí teologové Kierkegaardovy doby byli ochotni přijmout. Kierkegaard sám však tento postulát považoval za radikální revizi původních křesťanských ideálů a jejich nahrazení zcela odlišným hodnotovým systémem.“ [3, s. 42]. Přesvědčení člověka musí vycházet z jeho vlastních zkušeností a získaných poznatků. Není možné nutit člověka k přejímání cizího přesvědčení, které mu není vlastní a není o něm navíc zcela jasně přesvědčen. V dějinách filosofie existuje celá řada různých přístupů, které jsou příkladem toho, jak je možné vysvětlovat náboženství s jeho počátky v nejstarší době a někdy se jedná o vzájemný vztah mezi filosofií a vírou. Předmětem vždy zůstává jen nutnost existence v podmínkách společenského vývoje. K tomu: „Kierkegaard rozlišuje tři základní způsoby (...) existence: estetický, etický a náboženský. Přesto že narážky na všechny tři typy životního zaměření můžeme najít v té či oné podobě v každém z výše zmíněných titulů, kontrast mezi úrovní etickou a estetickou je exponován nejvýrazněji ve spise *Bud' – anebo* a distinkce mezi etickým a náboženským způsobem existence v knize *Strach a chvění*.“ [3, s. 52]. Kierkegaardův případ je v tomto momentě nejvýstižnější. Lidská víra nemá limitaci, nezná přímé hranice poznávání a není závislá na moci. Etická úroveň existence je daná jeho moralitou, estetická úroveň má vlastní dimenzi v poznání lidské povahy a charakteru, náboženská úroveň je závislá na pospolitosti a historičnosti celku. Význam lidské víry není možné posuzovat na základě religiozity společenství, ale jedná se především o niterní záležitost, která má zcela specifický význam pro každého jedince.

Vliv v tomto ohledu má nejen společnost, ale i poznání přírody, vliv prostředí, v němž člověk žije a další atributy. „První, kdo výrazněji poukázal na sílu a vliv přírody a „prostředí“ na naše chování, byl až raný francouzský osvícenec Charles Montesquieu (1689–1755). Upozornil na absurdnost pojímat stejně lidské mravy na rovníku či na poláru, ale ví už i o tom, že my jistou civilizaci nejen tvoříme, ale že ona už svou samou existencí, svými už pevně zakotvenými postupy pracovními, technickými, výrobními i duchovními formuje zpětně i nás a naše „chtění“. Jeho výklady o tom byly přijaty většinou kladně (mj. i osvícenci v Čechách), ale brzy je radikálnější osvícenské zápas

zatlačily do pozadí.“ [2, s. 281]. Mimo otázku lidských mravů se Montesquieu zabýval přerozdělením moci ve státě, otázkou lidské společnosti a postavením člověka ve společnosti. Přitom ideálem společenského zřízení vnímal římský vzor, v podobě státní správy, uspořádání společnosti a prosazování moci ve státě. Snaha o popis lidské společnosti v jejím postupném vývoji bylo předmětem četných pojednání. Zásadní význam pro studium společnosti, zákonů v přírodě, nutností společenského poznání a vliv náboženství na člověka a to vše v podmínkách hospodářského vzestupu společnosti rozpracoval ve svém díle K. Marx. „Jestliže tedy Marx zdůraznil, že v přírodním prostředí naší planety je nejvýznamnější to, co v ní vytváří člověk sám, měl pravdu. Jestliže poukázal na to, že ve způsobu této lidské práce, techniky, výroby dochází k jistým změnám, které se dříve či později projeví i v duchovním životě lidí, měl pravdu. Jestliže předpokládal, že i v lidských dějinách – jako v čemkoliv ve vesmíru – se projevuje jistý determinismus, měl pořád ještě pravdu. Ba i v tom, že viděl, jak obtížné je rozeznat, jak se v tu či onu historickou chvíli důsledek oné determinace protlačuje na světlo světa, že tedy hledání filosofické celkově moudré životní orientace musí proto také vždy obsahovat i složku jakéhosi „luštění hádanky dějin“, měl pravdu.“ [2, s. 283]. Marxova analýza společnosti a člověka vychází ze základu, že materiální jistoty společnosti určují význam a celkový charakter vztahů v daném společenství. Podstatné pro každou další etapu vývoje je skutečnost, co konkrétního vytváří člověk pro další období, na co může následující pokolení navázat a co je již historickou zkušeností potvrzeno či vyvráceno. Není vůbec snadné předem vymežit a pokusit se stanovit cíle vývoje a jeho závěry, které by měly platit pro společnost.

Závěr: Každá společnost prochází vývojem. Společenský vývoj je ovlivňován kulturními vzorci, které jsou výsledkem tradice, norem a požadavků, na které se snaží společnost prostřednictvím vlastního vývoje odpovídat. Přizpůsobuje se tak podmínkám, které vznikají od nejstarších dob lidského společenství. Na vývoj samotného člověka může mít vliv věda, víra a proměny společenského řádu. Je pravděpodobné, že společnost a kultura se budou vyvíjet i v dalším období lidské existence, je ovšem už dnes a na nás jakým směrem a s jakými výsledky.

Bibliografie

1. McRobbie, A.: Aktuální témata kulturních studií. Praha: Portál, 2006.
2. Machovec, M.: Filosofie tváří v tvář zániku. Praha: Akropolis, 2006.
3. Gardiner, P.: Kierkegaard. Praha: Argo 1996.
4. Mulgan, R.: Aristotelova politická teorie. Praha: Oikoymenh 1998.

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ МИЛОСЕРДИЯ В ОБЩЕСТВЕ И МЕТОДЫ ЕЕ ПОВЫШЕНИЯ

П. Ф. Анищик

*Аспирант, исполнительный директор,
Общecerковная аспирантура
и докторантура
имени святых равноапостольных
Кирилла и Мефодия,
АНО «Международный центр
христианской солидарности
и взаимопомощи»,
г. Москва, Россия*

Summary. The article studies the role of the culture of mercy in a society. The positive results that improvement of the culture of mercy can bring for each institutional sector – public, corporate, non-profit and household sector – are investigated. The impact of the culture of mercy growth on various aspects of social life is considered in a short-term and long-term perspective. It is shown that an increase of the culture of mercy in a short-run leads to boosting the volume of charitable activities in terms of time and money. In a long-run, though, maintaining the mercy culture growth rate at a given level, all other things being equal, the saturation point is reached, quantity turns into quality, all institutional sectors benefit from an increased level of the culture of mercy, and the number of potential beneficiaries (those who need help), reduces. Pre-requisites for a merciful world outlook formation (such as learning to take personal responsibility, to forgive, to be grateful, etc.) are identified. The minimum time required to start the activation mechanism of the mercy gene, which is integrated into the cultural genome of the Russian society, is substantiated. Practical recommendations aimed at the development of compassionate consciousness and behavior, are worked out.

Keywords: mercy; culture of mercy; public goods; institutional sector; personal responsibility; cultural genome.

Вопросы формирования культуры милосердия относятся к группе наиболее общих этических проблем и восходят к основам православной догматики. В христианской этике милосердное поведение соответствует идеальному образу жизни, главный ценностный ориентир которой следование образу и подобию Бога. Необходимость изучения роли культуры милосердия в современном обществе обусловлена не только важностью ее теоретического рассмотрения как одной из предметных областей комплексного изучения человека. Актуальность исследования практических аспектов проявления культуры милосердия возрастает в периоды, когда люди вынуждены выживать в экстремальных обстоятельствах, а помощи исключительно государства недостаточно. В настоящее время во всем мире наблюдается обострение социально-политических и военных конфликтов, углубление и учащение экономических кризисов. По данным Управления Верховного комиссара по делам беженцев ООН, каждый 113-й представитель 7,4-х-миллиардного населения планеты является беженцем, насильственно перемещенным лицом или лицом, ищущим убежища. Об-

щая численность этих людей (65,3 млн. чел.) превышает численность населения Великобритании или Канады, Австралии и Новой Зеландии вместе взятых, и не имеет прецедентов в истории УВКБ ООН [1]. В условиях роста этих негативных тенденций, которые приобрели глобальный масштаб, исследование нереализованного потенциала культуры милосердия и методов ее повышения является важным и своевременным.

Духовно-нравственный потенциал культуры милосердия как нематериального ресурса и социально-духовного феномена, интегрированного в социально-экономические основы жизнеустройства, не только не реализован, но и до настоящего времени не до конца осознан современным обществом, тогда как положительные результаты активизации милосердной деятельности могут коренным образом повлиять на качество жизни людей. Позитивные следствия высокого уровня культуры милосердия можно разделить на выгоды, которые получит каждый институциональный сектор экономики – государство, бизнес, население и некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства.

Для государства повышение уровня культуры милосердия означает уменьшение издержек на поддержание работы судебных и правоохранительных органов; сокращение расходов государственного бюджета на социальную сферу (высокий уровень культуры милосердия в данном случае будет означать, что уязвимым, но трудоспособным, слоям населения в качестве помощи предлагают «не рыбу, а удочку» в виде возможности самостоятельно генерировать доход, а общество получает гарантии защиты частной собственности); рост национального богатства за счет сокращения уровня коррупции и оттока капитала, а также благодаря духовно-нравственному оздоровлению правящей элиты; снижение потребности в государственном инвестировании в проекты развития инфраструктуры за счет вовлечения частного капитала богатых филантропов в процесс создания общественных благ (например, строительство автомагистралей, больниц, обновление муниципального транспортного парка и т. д.).

Корпоративный сектор получает выгоды в виде снижения транзакционных издержек за счет роста общего уровня доверия в обществе, укрепления моральных устоев и порядочности контрагентов, улучшения исполнения договорной дисциплины, развития этического аспекта предпринимательской деятельности, повышения социальной ответственности бизнеса (социально ответственный и, тем более, верующий, предприниматель или владелец бизнеса не будет инвестировать в производства, приносящие вред экологии, моральному, психическому и физическому самочувствию людей).

Повышение уровня жизни населения вследствие укрепления культуры милосердия проявляется в улучшении нравственного и физического здоровья общества, сокращении численности сирот, нищих, матерей-одиночек, брошенных людей пожилого возраста, бездомных людей и жи-

вотных и др. *Экономические выгоды* для сектора домашних хозяйств заключаются в снижении издержек на борьбу с влиянием экологически опасных производств (на приобретение лекарств, лечение и профилактику заболеваний и т. д.); сокращении расходов на поиск достоверной информации (например, за счет уменьшения количества недобросовестной, социально безответственной рекламы вредных товаров, совершенствования практики раскрытия информации о товарах, услугах и т. д.). *Социальные выгоды* проявляются в повышении уровня доверия людей друг к другу, улучшении качества общения, укреплении социальных связей и т. д.

Для некоммерческого сектора эффект от повышения уровня культуры милосердия может быть неоднозначным. С одной стороны, милосердные люди активнее будут жертвовать на благотворительные цели. С другой стороны, если уровень милосердия в обществе достигнет точки насыщения, момента, когда количество милосердных актов трансформируется в качественный сдвиг уровня жизни вследствие изменения культурного генома как набора унаследованных и приобретенных ценностей и образцов поведения, то сама потребность в посредниках (благотворительных организациях) может частично или полностью исчезнуть. Вследствие того, что, во-первых, люди сами, без посредников, будут массово помогать нуждающимся, во-вторых, значительно сократится численность потенциальных благополучателей (тех, кто нуждается в помощи).

Указанное двойственное влияние повышения культуры милосердия можно распространить на все институциональные секторы хозяйственной системы. В краткосрочном периоде при повышении культуры милосердия и милосердной активности объемы благотворительной деятельности во временном и денежном выражении будут расти. При сохранении темпов роста культуры милосердия, при прочих равных условиях, в долгосрочном периоде будет достигнута точка насыщения и пройден порог перехода количества в качество. Большинство сфер частной и общественной жизни претерпят качественные изменения в сторону улучшения.

Приведенные размышления носят теоретический, если не сказать утопический характер, т. к. в реальной жизни в игру вступает огромное количество взаимосвязанных разнонаправленных факторов, сталкиваются противоположные интересы индивидов, групп и государств. Например, открытым остается вопрос о допустимых границах милосердия. Общеизвестно, что чрезмерная помощь развращает, демотивирует человека к труду, стимулирует развитие паразитического образа жизни независимо от эпохи или уровня социально-экономического и технического прогресса. Подтверждением этого служит профессиональное нищенство, процветавшее во времена Московского Патриарха Никона и его последователей в XVII-XVIII веках [2]. Щедрые пособия по безработице в скандинавских государствах социального благосостояния в кон. XX – нач. XXI вв. породили прослойку семей, в которых два или даже три поколения не работают. Напри-

мер, в Великобритании их численность достигает 15 тыс. семей (менее 1 % домохозяйств). Удельный вес британских семей, в которых не работает одно поколение, составляет 17 % [3].

Предостережения о негативных последствиях чрезмерной благотворительности не новы. Еще в Мишне указывалось на разумность как один из принципов милосердной деятельности: еврейские мудрецы считали, что объем пожертвований не должен превышать 20 % доходов благотворителя [4]. Но если в дохристианскую эпоху это правило исходило из прагматических соображений сохранения благосостояния донора, то в России XIX – нач. XX века принцип здравого смысла благотворительности базировался на понимании возможных неблагоприятных последствий «слепой» щедрости для всего общества. Экономист, профессор Ленинградского института народного хозяйства Е. Д. Маскимов в статье «Особые благотворительные ведомства и учреждения» (1903) отмечает, что, поскольку милосердие является лишь вспомогательным средством гармонизации общественного устройства с привлечением ресурсов государства, тактические и стратегические решения в области благотворительности должны основываться на изучении реальной нужды и потребностей неимущих [5].

Действительно, существует риск потери мотивации к труду в ситуации, при которой пособие по безработице обеспечивает лучшую жизнь, чем трудовой доход. По данным исследования, проведенного фондом Joseph Rowntree Foundation в декабре 2013 года, количество семей, живущих за чертой бедности, было больше среди работающих домохозяйств (6,7 млн.), чем среди тех, кто живет на социальные пособия (6,3 млн.) [6]. Следует отметить, что степень выраженности этой тенденции варьирует в разных странах Европы. Большую роль играет общественное мнение о хронических безработных. Однако в целом эксперты отмечают усиление иждивенческих настроений с ростом социальных выплат [7].

Таким образом, требование «прочих равных условий» является трудно выполнимым на практике. Культура милосердия как составляющая духовной культуры лежит в плоскости нематериального, неосязаемого наследия, формирование которого требует длительного времени и целенаправленных усилий. Большая роль в этом, особенно на начальных этапах, принадлежит государственным и религиозным лидерам. Чтобы создать милосердное общество, нужно вырастить детей – будущих родителей, сформировать, прежде всего, у них милосердно-этическое отношение к себе и окружающим людям, явлениям и событиям. Следовательно, минимально необходимый, но не достаточный срок для формирования высокой культуры милосердия в обществе составляет 15–18 лет – период воспитания одного поколения.

За этот период можно запустить механизм активизации проявления гена милосердия, который пребывает в культурном геноме российского общества на протяжении многих веков и который необходимо «пробу-

доть». Дальнейшее его развитие будет зависеть от непрерывности приложения усилий со стороны государства, бизнеса, некоммерческих организаций и населения в направлении повышения милосердного самосознания индивидов и общества в целом.

Однако следует отметить, что милосердие само по себе не создаст высокоэффективные заводы и фабрики, производящие экологически безопасную, инновационную продукцию высокого качества по доступной цене, не распространит ее среди покупателей наименее затратным способом, не выплатит пенсии пенсионерам и зарплату рабочим. Ярким примером может служить Мьянма. Экономика этого государства на десятки лет погрязла в стагнации, правительство – в долгах, а население, 2/3 которого занято в сельском хозяйстве, – в нищете [8]. В 2015 году Мьянма заняла первое место в мире по уровню развития благотворительности (CAF World Giving Index [9]), но традиционно занимает одно из последних мест по показателям развития хозяйственной системы и уровня жизни населения.

Тем не менее оздоровление общества, имеющего такой мощный ресурсный и человеческий потенциал, как российское, за счет возрождения и качественного улучшения культуры милосердия, на наш взгляд, способно вывести его на новый виток развития. Воссоздание милосердного мировоззрения предполагает формирование индивидуальной ответственности как обязательного условия милосердия. При виде чужого страдания каждый человек должен ощущать личную ответственность за происходящее. Это чувство рождается из осознания взаимосвязанности всего в мире. Каждый несет личную ответственность, прежде всего, перед Богом, а также перед собой и обществом за события не только в семье, во дворе или в доме, но и в области, стране и мире. Бог помогает через людей. Позволяя Ему действовать через наши поступки по отношению к тем, кто страдает и нуждается в помощи, мы исполняем Его волю и свой долг перед Ним. Напротив, проходя мимо горя, заживо хороним себя в скорлупе собственного жесткосердия. Освободить человека из такого страшного заточения не сможет даже Господь, потому что разбить эту скорлупу можно только изнутри: последовать зову сердца, проявить живое участие в жизни другого человека, осуществить посильные меры по восстановлению справедливости, но прежде в молитве попросить у Бога помощи воплотить задуманное. Ибо как говорил Иисус Христос, «без Мене не можете творить ничесоже» (Иоан. 15, 5). Иногда оказание помощи больше необходимо нашей собственной душе, чем тому, кто просит о поддержке. Если человек остается глухим к мольбам о помощи или к чужому страданию, это верный признак того, что ему необходимо немедленно заглянуть в себя: он не использовал данный Богом шанс на спасение. Его сердце превратилось в камень.

Однако милосердию можно научиться. Его можно возродить или вырастить. Для этого следует попросить помощи Бога и после этого регулярно предпринимать следующие шаги:

– воспитывать в себе осознание личной ответственности за происходящее независимо от масштабов событий;

– учиться находить (замечать) людей и ситуации, в которых можно и нужно проявить милосердие (со временем способность видеть чужое страдание не потребует специальных усилий);

– переводить эмоции в область логических рассуждений. Пока возникновение «правильных» чувств (сопереживания, понимания, жалости, сочувствия и др.) при виде страданий или несправедливости еще не закрепилось в устойчивый механизм, имеет смысл анализировать события логически. Даже попытка мысленно поставить себя на место страдающего (просящего, униженного, нуждающегося и т. д.), посмотреть на события не с позиции стороннего наблюдателя, позволит легче понять другого человека, проникнуться его ситуацией;

– очищать душу, исповедоваться, причащаться, культивировать в себе доброту, смирение, отзывчивость, бескорыстие, умение прощать и быть благодарным;

– осознать, что повышение личной культуры милосердия, как и какое-либо другое изменение себя, является трудной задачей. Огромные запасы душевной энергии тратятся не на милосердие, а на удовлетворение страстей, препятствующих проявлению последнего, – лени, жадности, жестокосердия, равнодушия. Само же милосердие, когда входит в привычку и становится образом жизни, дарит человеку неиссякаемый источник благодати и счастья. Неиссякаемый – потому что отдающий, в отличие от потребляющего, не зависит от внешнего фактора удовольствия, и его радость не омрачена страхом потери. Духовное богатство не имеет границ.

Таким образом, милосердие является необходимым условием духовно-нравственного развития человека и общества. С аксиологической точки зрения культура милосердия представляет собой набор ценностных ориентаций в отношении необходимости поддерживать нуждающихся и наличия внутренней потребности оказывать такую помощь на безвозмездной, бескорыстной основе. Повышение культуры милосердия положительно влияет на все сферы жизни участников общественных взаимодействий. На краткосрочном отрезке времени приводит к росту объемов пожертвований, собранных некоммерческим сектором. Риск развратить людей чрезмерной безвозмездной помощью, демотивировать их к труду, распространить паразитические настроения можно минимизировать, если одновременно с мерами повышения культуры милосердия реализовывать мероприятия по формированию негативного общественного мнения о неработающих иждивенцах трудоспособного возраста, как, например, в Финляндии 1990-х годов. В долгосрочном периоде от повышения уровня культуры милосердия выигрывают представители всех институциональных секторов: государство, бизнес, домашние хозяйства и благотворительные организации – вследствие сокращения транзакционных издержек, улучшения каче-

ства социальных связей и морально-этического климата, повышения уровня доверия в обществе, социальной ответственности бизнеса и личной ответственности каждого человека. Минимальный период, необходимый для активизации гена милосердия, встроенного в культурный геном российского общества, составляет 15–18 лет – срок воспитания одного поколения. Основные методы культивирования милосердного мировоззрения и создания привычки к милосердию предполагают регулярную реализацию ряда предложенных рекомендаций в области работы по изменению своего характера и поведения. Задача мотивировать людей к этой ежедневной милосердной практике, на наш взгляд, может быть наиболее эффективно решена при совместных однонаправленных усилиях государственных, церковных, общественных и корпоративных лидеров по формированию и развитию культуры милосердия в современном обществе.

Библиографический список

1. Global Trends: Forced Displacement in 2015 [Электронный ресурс] / UNHCR. UN Refugees Agency. URL: <https://s3.amazonaws.com/unhcrsharedmedia/2016/2016-06-20-global-trends/2016-06-14-Global-Trends-2015.pdf> (Дата обращения: 15.02.2018).
2. Нувахов Б.Ш. История милосердия и благотворительности в отечественной медицине XVIII–XX веков / Нувахов Борис Шамильевич : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 17.00.07. - Москва, 1993. - 44 с., С. 13.
3. Benefits in Britain: separating the facts from the fiction [Электронный ресурс] / The Guardian. - [06.04.2013]. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2013/apr/06/welfare-britain-facts-myths> (Дата обращения: 15.02.2018).
4. Теологический энциклопедический словарь : переводное издание [Электронный ресурс] / Под ред. Элвелла У.; [Пер. с англ. Васильева Т.Ю. и др.]. - М. : Духов. возрождение, 2003. - 1467 с. - Пер. изд. : Evangelical dictionary of theology Уолтер Элвелл. URL: <http://coollib.com/b/247430/read> (Дата обращения: 15.02.2018).
5. Максимов Е.Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения / Максимов Е.Д. – СПб., 1903. 139с.
6. Report Reveals The New Face Of UK Poverty [Электронный ресурс] / Joseph Rowntree Foundation. – [08.12.2013]. URL: <https://www.jrf.org.uk/press/report-reveals-new-face-uk-poverty> (Дата обращения: 15.02.2018).
7. Пособия в Европе: кто не работает – тот ест? [Электронный ресурс] / BBC. – [01.02.2016]. URL: http://www.bbc.com/russian/society/2016/02/160201_5floor_europe_benefits_finland_switzerland (Дата обращения: 15.02.2018).
8. The World Factbook 2015. GDP per Capital : Country Comparison [Электронный ресурс] / The Central Intelligence Agency. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2004rank.html> (Дата обращения: 15.02.2018).
9. CAF World Giving Index 2015 [Электронный ресурс] / Charities Aid Foundation. URL: https://www.cafonline.org/docs/default-source/about-us-publications/1755a_cafworldgivingindex2015_bubblemap.pdf (Дата обращения: 15.02.2018).

ВЛИЯНИЕ ПОТОКА ВИРТУАЛЬНОГО МУСОРА НА ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТА ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Е. И. Берданова
Ж. З. Тухужева

*Преподаватель,
учащаяся,
«Эколого-биологический центр»
Минобрнауки КБР,
г. Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика,
Россия*

Summary. In the research work are linked together as purely environmental problems (the problem of pollution of the planet with garbage) and the problems of a healthy lifestyle, namely the problem of Internet addiction of adolescents. A study was made of Internet addiction of senior pupils - students of the ecological-biological center of the Kabardino-Balkarian Republic and younger schoolchildren. The statistics of teenagers' use of negative content is revealed. The main types of threats to teenagers on the Internet are classified.

Keywords: pollution; healthy lifestyle; Internet addiction; teenagers.

Актуальность. Проблема отходов стала сегодня одной из самых важных экологических проблем, с которой столкнулось человечество. Условно историю отходов в мире можно разделить на два этапа [3]. В средние века мусор был преимущественно пищевым и разлагался буквально за год. С 19 века после появления искусственных материалов отходы остаются на свалках десятки и сотни лет, отравляя землю, воду и воздух. Сейчас происходит информационная революция. И сегодня мы встречаемся с еще более опасным видом мусора – информационным, побочным эффектом информационной революции [2]. Информационный шум – это неотфильтрованный поток информации, в котором полезность полученных данных уменьшается прямо пропорционально количеству этих данных [4, 5]. Оградить детей от нежелательной информации взрослые могут лишь до определенного возраста – до тех пор, пока они не начинают общаться самостоятельно. На государственном уровне большое внимание уделяется вопросам информационной безопасности, в том числе активно обсуждаются и принимаются меры защиты детей от негативного контента в интернете. Неслучайно появился проект спикера Совета Федерации РФ Валентины Матвиенко включить в школьную программу уроки по безопасности общения в Интернете. Но пока это только проект. В стенах ЭБЦ регулярно проводятся уроки «безопасного интернета» по принципу «Равный обучает равного». **Цель:** формирование у подрастающего поколения навыков грамотного, безопасного и ответственного поведения в сети Интернет; **иссле**
Задачи: содействовать развитию бережного отношения к собственному здоровью; с помощью анкетирования выявить практическую значимость

Интернета для подростков, определить степень зависимости от Интернета, выявить степень вредоносности Интернета. **Экспериментальная база:** ГКУ ДО «Эколого-биологический центр» Министерства образования, науки и по делам молодежи КБР; МКОУ СОШ № 9 г. Нальчика. **Методы исследования:** глубинное интервью-анкетирование; компьютерная обработка статистических данных с помощью программного комплекса **Interro-SL**. **Объект исследования:** Человек – «информационная система». По тому, насколько эффективно объекты исследования «фильтруют» потоки информации, можно судить об «информационной системе» в целом: деградирует или нет. Объекты №№ 1, 2 – учащиеся старших классов (8–9 кл. и 10–11 кл. соответственно), не обладая еще жизненным опытом, находятся под контролем родителей, которые и осуществляют функцию фильтров. Объект № 3 – учащиеся младших классов. Уровень контроля родителями гораздо выше, этот объект используется в качестве репера – «фоновый уровень». **Результаты исследования и выводы:** Главными критериями анализа данных, положенных в основу выводов, стали статистические показатели вида доступа в интернет (самостоятельно или под надзором родителей), а также анализ доступного материала, содержащего т.н. «плохой контент». Более 2/3 старшеклассников пользуются интернет-ресурсами без контроля со стороны родителей. Эти результаты ниже, чем показатели (75 % – самостоятельно, 25 % – под контролем родителей) масштабного профессионального исследования, проведенного компанией RUметрика [1] (рис. 1).

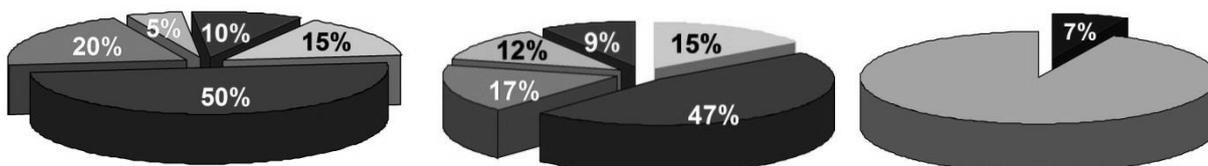
Рис.1 Виды доступа

а) обучающихся ЭБЦ в интернет

б) учащихся 4 классов

в) по данным компании RUметрика

У младших школьников родители в два раза чаще контролируют время пребывания в интернете, ограничивая его до рекомендуемой нормы: 15–30 минут. Однако, 1/3 из 4-х-классников заявляют, что все больше времени проводят в Сети.

- 1 Сайты, где размещены порнографические материалы
 - 2 Видео, содержащие сцены насилия
 - 3 Страницы, посвященные азартным играм
 - 4 Сайты, посвященные способам изготовления или добычи наркотических средств
 - 5 Экстремистские, сектовые или националистические ресурсы
- негативный
 - под контролем

Рис.2 Использование негативного контента в интернете (а,б,в)

а) Использование негативного контента в интернете обучающимися 8-9 кл.

б) Использование негативного контента в интернете обучающимися 10-11 кл.

в) Использование негативного контента в интернете учащимися 4 кл.

Проанализировав один из аспектов наших исследований («Страшно интересно») (рис. 2) и сравнив полученные показатели с данными «Интернет-контроля» (рис. 3), выявили статистику использования подростками негативного контента в интернете.

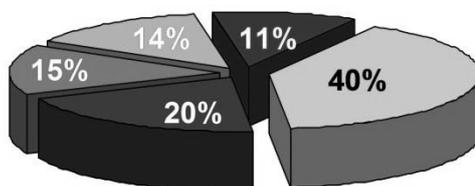
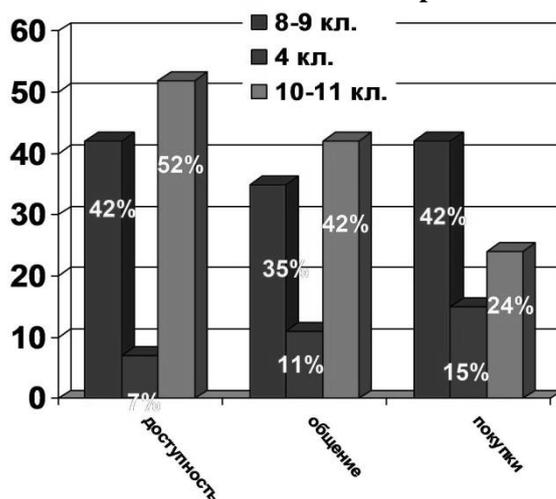

Рис.3 Использование негативного контента в интернете – данные «RUMетрика» [6]

Безконтрольность подростков проявляется в доступности негативного контента Интернета. И что особенно актуально в наши дни, подростки

посещают националистические сайты. Кроме того, прослеживается тенденция повышения интереса к сайтам, посвященным способам изготовления или добычи наркотических средств. Младшие школьники пока еще имеют мощный «фильтр» в лице своих родителей. Но это не спасает их от сцен насилия в Интернете. Мы попытались классифицировать основные виды угроз, которым подвергаются подростки в интернете (рис. 4). Легкая доступность нежелательного контента является одной из основных угроз для подростков. Согласно опросу специалистов Лондонской школы экономики, каждый второй ребенок страдает зависимостью от планшета, смартфона или компьютера [1]. Современные дети проводят перед компьютером в среднем 3 часа в день. Наши исследования дали следующую картину: почти половина обучающихся 8–11 классов уже находятся в «зоне риска», в то время, как контроль родителей за младшими школьниками – дает очень хорошие результаты – 96,3 % не находятся за компьютером более 3 часов.

Заключение: По мере взросления родительский контроль ослабевает, в то время как дети так и не приобретают необходимых навыков безопасного использования интернета. Согласно поставленным задачам, в ходе данной исследовательской работы были проведены уроки безопасного интернета в Эколого-биологическом центре среди учащихся 8–11 классов в 5 объединениях отделения «Экология», а также в 4 классе МКОУ СОШ № 9 г.о. Нальчика. Выявленные закономерности обсуждены на собрание обучающихся. Планируется волонтерская работа с младшими школьниками по принципу «Равный обучает равного». Кроме того планируется изучение проблемы «информационного мусора» в студенческой среде. Студенты «фильтруют» информацию самостоятельно. По тому, насколько эффективно они справляются с этой задачей, можно судить об «информационной системе» в целом: деградирует или нет.

Библиографический список

1. А. Архипова «Страшно интересно» Журнал «Дети дома» №6, 2015
2. Расторгуев С.П. Информационная война <http://evartist.narod.ru>
3. Утилизация и переработка отходов © vtorothodi.ru 2. Расторгуев С.П. Информационная война <http://evartist.narod.ru/text4/54.htm>
4. Что такое информационный шум и как с ним бороться: <https://lifehacker.ru/2016/01/15/informatsionnyj-shum/>
5. <http://www.geogr.vsu.ru/index.html> Воронежский ГосУниверситет факультет географии, геоэкологии и туризма

ПРОБЛЕМА МОРАЛИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ (ИНФОРМАЦИОННОМ) ОБЩЕСТВЕ: ЕЕ СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ

Е. А. Куликова

*Кандидат исторических наук, доцент,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

Summary. In this article, the essence of the moral problem in the postindustrial (information) society is revealed, its main aspects are considered. In addition, the author reveals the role of the family in the formation of the value sphere (axiosphere) of the individual.

Keywords: morality; ethics; ethical principles; value sphere (axiosphere).

Еще в 1959 году американский социолог Дэниел Белл (1919–2011 гг.) впервые употребил термин «постиндустриальное общество» и разработал теорию данного общества. В книге «Грядущее постиндустриальное общество» он предсказал возникновение общества, в котором одним из главных ресурсов производства материальных благ станет информационное производство. Действительно, в постиндустриальном (информационном) обществе особую роль играет информация, превратившаяся в стратегический ресурс современных наиболее развитых обществ [2, с. 13–14].

Немецкий социолог, философ и психолог Эрих Фромм (1900–1980 гг.) одним из первых заговорил об обществе потребления, в котором материальные ценности приобретают статус духовно значимых ценностей. В обществе потребления духовность нередко отходит на второй план. Первостепенной задачей и потребностью для многих людей становится приобретение товаров, особенно тех, которые указывают на высокий статус человека в обществе и уровень его доходов.

Сверхпотребление, т. е. потребление, превышающее уровень естественных потребностей человека, исследователи рассматривают, с одной стороны, как причину, а с другой стороны, как следствие деградации духовной сферы человека. В обществе потребления категории морали и нравственности подверглись переоценке, а в ряде случаев обесцениванию [3, с. 76–77].

По нашему мнению, деформированию нравственного начала у подрастающего поколения способствуют примеры безнравственного поведения взрослых. К сожалению, в современном обществе, в том числе и российском, безнравственные установки приобретают массовый характер и превращаются в привычное явление. Подлинные ценности подменяются ложными ценностями на уровне общества в целом. Нормальным считается поведение, которое в прошлом рассматривалось как абсолютно недопустимое.

Целенаправленным воспитанием детей и подростков должны заниматься семьи и образовательные учреждения (детские сады, школы, вузы и др.). Развитие нравственного начала личности осуществляется посредством усвоения системы ценностей подрастающим поколением и личного примера взрослых. Аксиосфера (греч. *axia* – ценность), т.е. сфера ценностей, занимает господствующее положение в различных сферах человеческой жизни. Ценности находят отражение в религии, искусстве, морали, нравственности, праве.

У молодых людей подвижная система ценностей. Потребительское отношение к жизни и окружающим может нанести непоправимый ущерб духовному здоровью нации. Молодежь выступает в качестве своеобразного зеркала, в котором отражается состояние современного общества. В подрастающем поколении заложены те достоинства и недостатки, которые характерны для самого общества [1, с. 55, 60].

Этическая проблема (проблема морали) все чаще находится в центре внимания мирового сообщества. В последние годы периодически проводятся конференции, посвященные этическим аспектам информационного общества. Так, Латиноамериканская (первая) конференция по этическим аспектам информационного общества под эгидой ЮНЕСКО состоялась в Санто-Доминго в декабре 2006 года, Африканская (вторая) – в Претории в феврале 2007 года, Европейская (третья) – в Страсбурге в сентябре 2007 года и т.д. [4, с. 6].

Сознание людей, живущих в условиях информационного общества, нередко сосредоточено на материальных благах. Однако не хлебом единым жив человек. С каждым годом все больше ощущается необходимость в переключении общественного сознания на нематериальные (духовные) ценности. На наш взгляд, это должно способствовать решению глобальных проблем современной цивилизации, в том числе и материального характера.

Библиографический список

1. Аксиосфера современного общества: традиции и инновации: монография / Под науч. и общ. ред. Н.В. Розенберг. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2012. – 124 с.
2. Дука С. И. Информационное общество: социогуманитарные аспекты. – СПб.: Изд-во С-Петербург. ун-та, 2004. – 172 с.
3. Шаровская А. В. О нравственных проблемах современного общества потребления // Нравственность и религия: Сборник статей VII Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2010. – 96 с.
4. Этика и права человека в информационном обществе: Материалы Европейской региональной конференции. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2009. – 64 с.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2018 ГОДУ**

Дата	Название
13–14 марта 2018 г.	Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты
15–16 марта 2018 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2018 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2018 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2018 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2018 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2018 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2018 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2018 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
20–21 апреля 2018 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2018 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2018 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2018 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2018 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2018 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2018 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2018 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2018 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2018 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2018 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2017 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2018 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2018 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2018 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2018 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2018 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2018 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2018 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2018 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2018 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2018 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2018 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2018 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях

15–16 октября 2018 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2018 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2018 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2018 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2018 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2018 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2018 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2018 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2018 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2018 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2018 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2018 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2018 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2018 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2018 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2018 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Научометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,711, • Scientific Indexing Services – 1,5, • Research Bible – 0,781, • Open Academic Journal Index – 0,5, • РИНЦ – 0,104.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • General Impact Factor – 1,7636, • Scientific Indexing Services – 1,04, • Global Impact Factor – 0,884
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,72, • General Impact Factor – 1,5402
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,832
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,725
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,75
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,742

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- присвоение doi,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- doi assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Philosophical Society of Uzbekistan
Faculty of Business Administration, University
of Economics in Prague
Urgench State University named after al-Khorezmi
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political
and Social Sciences

MODERN PHILOSOPHIC PARADIGMS: INTERRELATION OF TRADITIONS AND INNOVATIVE APPROACHES

Materials of the V international scientific conference
on March 3–4, 2018

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 5.03.2018.
60×84/16 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavate llistů 5,2.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosfera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz